

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

- ЧЕЛОВЕК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
- ВСТРЕЧА С АГАТОЙ КРИСТИ
- НА ЗЕМЛЕ 800 ЛЕТ СПУСТЯ
- ЗНАКИ ЗОДИАКА И НАШИ СУДЬБЫ
- ЗНАКОМЬТЕСЬ: «ПОИСК-89»
- ЗАКОНЫ НАШИХ ПРЕДКОВ
- В «М-СКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ»
- НА ЯХТЕ В КОСМОС

ФРЭНК ГРУБЕР Спросите меня еще!

ОЛИВЕР КВЕЙД, откинувшись со стулом к радиатору центрального отопления и водрузив босые пятки на кровать, углубился в утреннюю газету. Чарли Бостон лежал в постели, укутавшись одеялом и смаковал «Потрясающие признания».

Словом, в жизни Человека-энциклопедии Оливера Квейда и его ближайшего друга и помощника это была обычная безмятежная передышка после завтрака.

Но жизнь бесцеремонно вторглась на этот крохотный кусочек блаженной утопии. Жизнь в облике управляющего гостиницей «Орел», который настойчиво барабанил в хлипкую дверь номера. Квейд положил газету и вздохнул.

– Чарльз, может быть, ты откроешь дверь ипустишь этого Серого волка?

Чарли Бостон нехотя вылез из-под одеяла и сердито спросил:

– Ты думаешь, что к нам пожаловал управляющий насчет платы за номер?

– Конечно. Впусти его, пока он не выломал дверь.

Это был действительно управляющий. В правой руке он держал разлинованный листок бумаги, на котором были нацарапаны грозные цифры.

– Я по поводу платы за номер, мистер Квейд, – произнес он сурово. – Деньги нам нужны сегодня.

Квейд озадаченно посмотрел на управляющего.

– Плата за номер? Деньги?

– Разумеется! – негодуяще фыркнул управляющий. – На этой неделе я уже третий раз прихожу к вам за ними.

Взгляд Квейда прояснился. Он сбросил ноги с кровати и опустил их на коврик одновременно с передними ножками стула.

– Чарльз! – Раскаты его голоса потрясли комнату и заставили управляющего гостиницей вздрогнуть. – Ты что, забыл взять деньги из банка и оплатить этот несчастный счет?

Чарли понял намек.

– Черт возьми, какая досада! Вчера по дороге в банк я встретил нашего старого приятеля Джона Белмонта из

Нью-Йорка, и он утащил меня в бар Палмер-Хаус поболтать за коктейлем. Когда я вырвался оттуда, банк был уже закрыт.

Квейд с видом крайнего отчаяния всплеснул руками.

– Вот видите, мистер Крайгтон, на него ни в чем нельзя положиться. Теперь я должен в такую скверную погоду сам идти в банк за деньгами!

В глазах управляющего вспыхнул недобрый огонек.

– Послушайте, вы меня водите за нос... – начал было он, но Квейд стремительно перешел в наступление.

– Кстати, мистер Крайгтон, у нас есть к вам претензии. В номере плохо топят. Кроме того, этот идиот из соседнего номера вчера до полуночи не давал нам спать своим радиоприемником. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы он сегодня утихомирился. И сделайте что-нибудь с отоплением. Я терпеть не могу жить в холодных номерах.

Управляющий устало вздохнул:

– Ну хорошо, я позабочусь об этом. Но насчет платы...

– Разумеется, – прервал его Квейд. – Да, вот что: ваша горничная оставила сегодня утром только два полотенца! Прошу вас проследить, чтобы нам прислали еще два. И немедленно!

Управляющий ушел, хлопнув дверью. Оливер Квейд ухмыльнулся и снова взялся за газету. Но Чарли Бостон не дал ему погрузиться в чтение.

– Ты здорово отделался от него, Олли, – сказал он. – Но это в последний раз, можешь мне поверить. Готов держать пари, что нас выставят отсюда еще до вечера.

Он грустно покачал головой.

– Подумать только: Оливер Квейд, величайшие мозги

страны, сегодня вечером будет скитаться по улицам при пяти градусах выше нуля.

– Вовсе нет, Чарли, – вздохнул Квейд, – Я как раз хотел сказать тебе, что сегодня у нас есть шанс подзаработать. Вот почитай: «Птицеводческая выставка в большом Чикаго».

Глаза Бостона на миг загорелись и снова погасли.

– Ты думаешь, мы там сможем заработать столько, что нам хватит заплатить за гостиницу?

Квейд натянул носки и обулся.

– Там будет видно. В газете говорится, что продано двадцать тысяч входных билетов. Должно же среди такой уймы людей найтись хотя бы несколько желающих пополнить свои знания. Ну, ты готов?..

Чарли направился к платяному шкафу, взял два пальто и тяжелый чемодан.

БЕЗ МАЛОГО две мили отделяли гостиницу от выставки, но денег на такси не было, и приятели отправились пешком. Когда они подошли к выставочному залу, Квейд предупредил Бостона:

– Теперь не зевай, Чарли. Действуй так, как будто мы участники выставки.

Квейд открыл наружную дверь и бодро двинулся мимо окошечек билетной кассы к выходу в зал. Человек в униформе, стоявший у двери, протянул руку с билетами.

– Хелло! – приветливо воскликнул Квейд. – Какживаете?

– Ничего, спасибо, – ответил билетер. – Ваши ребята уже прошли?

– Конечно. А мы задержались: надо было тут кое-что прихватить. Б-р-р! И холодища же сегодня! Ну, всего! – И с этими словами Квейд проскользнул мимо билетера.

– Привет, приятель, – буркнул Бостон, устремившись вслед за Квейдом.

Высокий, просторный зал был почти весь заставлен проволочными клетками, нагроможденными в два этажа, В каждой клетке сидело по одному пернатому экспонату.

– Ух, сколько жратвы! – заметил Бостон.

– Не произноси здесь этого слова. Птицеводы относятся к своим курам очень серьезно. Называй их «прекрасными птицами», «элегантными созданиями» или еще как-нибудь в этом же духе... Черт бы подрал этих газетчиков!

– А что?

Квейд обвел рукой зал.

– Написано, что на выставку раскуплено двадцать тысяч билетов. А сколько ты здесь видишь людей?

Бостон огляделся.

– Если наберется с полсотни, значит, я кое-кого посчитал дважды. Двинемся обратно?

– Куда? Держу пари, что управляющий сменил замок в двери, как только мы ушли из гостиницы.

– Ну и как теперь быть?

– Я примусь за дело.

КВЕЙД пробрался по узкому проходу к дальнему концу выставки, отыскал местечко, по недосмотру устроителей оставшееся свободным, соорудил из куриных клеток трибуну и начал говорить. Человек-энциклопедия обладал поистине изумительным го-

лосом. Те, кому доводилось его слышать, всегда поражались, откуда мог взяться у такого тощего человека голос потрясающей силы.

– Я, Оливер Квейд, Человек-энциклопедия, – гремел он, – самый сведущий человек в стране. Я знаю ответы на все вопросы: что было вначале – яйцо или курица, любую историческую дату с древнейших времен, численность населения всех городов Америки. Я знаю, как выводить мышей на птицефермах, как кормить кур, чтобы они лучше неслись. Все. Все, что есть под солнцем. В любой области – в истории и в естественных науках, в сельском хозяйстве и в математике.

Люди, рассеянные по залу, начали собираться к трибуне Квейда.

– Пусть меня кто-нибудь спросит. Дайте мне доказать, что я – Человек-энциклопедия, знающий ответы на все вопросы. Проверьте меня в любой области – будь то история, естественные науки, математика, сельское хозяйство, все что угодно!

Квейд ткнул своим костлявым указательным пальцем в сторону низенького пожилого фермера с грубыми чертами лица, одетого в порыжевший халат.

– Вот вы, сэр, задайте мне вопрос!

Фермер смутился.

– Так ведь я... у меня никаких вопросов нет... Впрочем, есть. Каков официальный рекорд яйценоскости у кур?

– Это сущий пустяк, – улыбнулся Квейд. Он драматически простер руку. – Хороший вопрос, но ответить на него ничего не стоит. Наивысший рекорд равен тремстам сорока двум яйцам. Он был установлен в 1930 году в Афи-

нах, штат Джорджия, на конкурсе несушек курицей породы белый леггорн. Правильно я говорю, мистер?

Человек с грубыми чертами лица неохотно кивнул.

– Верно, хотя я и не пойму, откуда вы это знаете. Об этом и из птицеводов-то мало кто помнит.

– О, вы просто забыли! Я ведь сказал, что я самый сведущий человек в стране. Я знаю ответы на все вопросы по любой теме. Не стоит задавать простых вопросов. Испытайте меня на чем-нибудь потруднее. Вот вы, – он ткнул дельцем в тощего сумрачного мужчину, – спросите меня о чем-нибудь.

Мужчина задумался, закусив губу, потом сказал;

– Ну-ка скажите, у какого штата самая длинная береговая линия?

Квейд улыбнулся.

– А, вот это вопрос что надо! Но вы меня не проведете. Большинство назвало бы Флориду или Калифорнию. Но правильный ответ – Мичиган. И, чтобы предупредить остальные каверзные вопросы по географии, скажу сразу, что Кентукки граничит с наибольшим количеством штатов, а самая северная точка Соединенных Штатов находится в штате Миннесота. Следующий вопрос.

– Я хотела бы спросить, – раздался звонкий женский голос.

Глаза Квейда загорелись. Он уже заметил эту девушку, единственную из его слушателей. Блондинка была изумительно хороша собой. Квейд никак не ожидал, что на птицеводческих выставках можно встретить такую красотку. Ей было не более двадцати одного года. Нарядная зеленая шляпка и зеленый жакет, хотя и недорогие, выглядели на ней очень эффектно.

– Итак, что за вопрос? – спросил Квейд, слегка наклонившись вперед.

Девушка задорно подняла голову.

– Я просто хотела узнать, почему некоторые судьи позволяют себе присуждать призы крашеным курам?

Толпа внезапно загудела, и Квейд увидел, как человек в порыжевшем халате завертелся и свирепо посмотрел на девушку.

– Ох-ох! – вздохнул Квейд. – Вы, кажется, задали щекотливый вопрос. Все равно, я отвечу на него. Любой судья, который допускает, чтобы крашенный род-айленд участвовал в конкурсе, либо невежественный дурак, либо мошенник.

– Черт бы вас взял! – заорал человек в халате, повернувшись к Оливеру. – Какое вы имеете право говорить мне такие вещи?! Я вас отсюда вышвырну! – Он начал проталкиваться сквозь толпу к конторе выставки.

– Раз ботинок пришелся по ноге, носите его на здоровье, – бросил ему вдогонку Квейд и, обернувшись к девушке, спросил:

– Кто это?

– Это местный судья. Его фамилия Стоун.

– Хорошо, продолжим наше состязание, – обратился Квейд к толпе. – Следующий вопрос!

Квейд ничего не потерял, смело ответив на вопрос девушки. Слушатели явно одобрили его, и вопросы посыпались один за другим.

– Кто был одиннадцатым президентом Соединенных Штатов?

– Что такое Великая хартия вольностей?

– Кто был чемпионом Олимпийских игр 1896 года в беге на 220-метров?

– Как лечить шелушение ног у кур?

– Сколько миль от Земли до Сатурна?

Квейд молниеносно отвечал на все вопросы. Потом он неожиданно умолк и после эффектной паузы сказал:

– С вопросами покончено. Теперь позвольте мне рассказать вам, как научиться самому отвечать на все те вопросы, которые здесь были заданы, и на десять тысяч других.

Он протянул руку, и Чарли Бостон кинул ему толстую книгу, извлеченную из чемодана. Квейд принялся листать ее.

– Вот здесь содержатся все ответы. Это «Энциклопедия человеческих знаний», друзья мои, величайшая из всех книг такого сорта. Тысяча двести страниц, набитых до отказа сведениями и фактами, которые должен знать каждый из вас. Знания всех веков, сгущенные, сокращенные, разложенные по полочкам. Полный курс среднего образования в одном томе. Десять минут в день, и эта книга сделает вас самым ученым человеком среди всех знакомых и родственников.

А теперь, друзья, я намерен удивить вас. Я скажу вам неслыханно смешную вещь. Речь идет о цене этой книги. Как, по-вашему, сколько я прошу за нее? Двадцать пять долларов? Нет. И даже не двадцать и не пятнадцать. По правде говоря, даже не десять и не пять долларов. Всего-навсего каких-то жалких, несчастных два доллара и девяносто пять центов. Я предлагаю вам книги именно за эту цену. Два девяносто пять – и я к вашим услугам.

КВЕЙД спрыгнул со своей трибуны, чтобы перейти в решительное наступление на аудиторию, которая, по его мнению, вот-вот должна была устроить давку, стремясь побыстрее раскупить партию разрекламированного товара. Но Оливеру не суждено было продать ни одной книги. Чарли Бостон потянул его за рукав.

– Смотри-ка, Олли, – шепнул он осипшим голосом. – Он притащил сюда полицию!

Квейд привстал на цыпочки, взглянул вверх клеток е курами и даже застонал от злости. Во главе процессии полисменов шествовал коротышка в порыжелом халате.

– Положи книги обратно, Чарли.

Квейд прислонился к клетке с курицей и, покорившись судьбе, стал ждать ареста. Но полисмены шли не за ним. Дойдя до центрального прохода, человек в халате повернул налево.

Слушатели Квейда тоже увидели полицейских. Двое или трое выбрались из толпы и устремились за ними. Они положили начало массовому бегству, и через несколько секунд Чарли Бостон с Квейдом оказались одни.

– Наверное, что-то стряслось, – заметил Квейд. – Интересно, в чем там дело?

– Судя по такой ораве полисменов, не иначе, как убийство, – невозмутимо ответил Бостон.

Едва только слово «убийство» сорвалось с губ Чарли, как тут же приятели услышали его в другом конце зала.

– И в самом деле кого-то убили, – вздохнул Квейд.

– В таком случае нам здесь не место, – изрек Бостон. – Давай отсюда убираться.

Он подхватил чемодан с книгами и двинулся. Но Квейд удержал его:

– Нет смысла. У входа стоит полисмен. Нам придется торчать здесь.

– Черт бы побрал этих кур! – взвыл Бостон. – В ту самую минуту, когда ты сказал о них в гостинице, у меня появилось недоброе предчувствие. Готов держать пари на ломаный грош, которого у меня нет, что мы здорово влипли.

– Может быть, Чарли. Но если я хоть сколько-нибудь знаю полицию, сейчас начнутся бесконечные допросы, и мне сдается, что нам легче будет выкарабкаться отсюда, если мы не будем держаться слишком далеко от места действия. Пойдем туда и посмотрим.

Квейд пошел к противоположной стороне зала. Продолжая ворчать, Бостон нехотя двинулся за ним.

Толпа сгрудилась перед большим, отделанным красным деревом ящиком – гигантским инкубатором. Дверь установки была открыта. Несколько человек осматривали инкубатор изнутри.

У Квейда перехватило дыхание, когда он увидел безжизненное тело, лежавшее на полу инкубатора у самой дверцы.

Люди, осматривавшие установку, выбрались наружу. Густобровый человек в пальто из верблюжьей шерсти и гамбургской шляпе направился к девушке в зеленой шляпке. Около него бентамским петушком подпрыгивал коротышка в порыжелом халате. Его макушка едва доставала до подмышек спутника.

– Насколько я в курсе дела, вы ссорились с ним вчера? – задал верзила вопрос девушке. – Из-за чего?

Девушка выпрямилась во весь свой небольшой рост.

– У него куры были крашенные, а судья – тот, что рядом с вами, – отказался снять их с участия в конкурсе. Вот из-за чего.

Коротышка злобно зашипел, брызгая слюной:

– Да это же бесстыжее вранье!

Верзила-детектив резко повернулся и, взяв его рукой, похожей на окорок, за грудь, с такой силой двинул об инкубатор, что коротышка застонал от боли.

– Не будьте наглецом, – сказал он. – Никаких доказательств того, что эта девушка виновна, нет. И пока их нет, она леди! А мы не называем леди бесстыжими враньями.

Он обернулся к девушке и сказал с грубоватым добродушием:

– Ну, а теперь, мисс, расскажите, как это было.

– А рассказывать-то нечего, – заявила девушка. – Я поругалась с ним и судьей Стоуном. Только... Только со вчерашнего вечера я мистера Таппера больше не видела. Кроме этого, я ничего не могу вам сказать, потому что ничего больше не знаю.

– Со вчерашнего вечера, говорите? – Детектив обвел взглядом собравшихся. – Кто-нибудь видел его сегодня?

– Да, да, – вмешался приземистый мужчина лет сорока пяти. – Мы с ним толковали сегодня утром, перед тем, как выставка открылась для посетителей. Нас тогда собралось человек десять.

– Вы хозяин этого заведения?

– Не совсем так. Выставка организована нашей ассоциацией птицеводов. А я, Лео Касмер, – секретарь ассоциации и заведу выставкой, если вы это имели в виду.

– Да, это я и имел в виду, – отрезал детектив. – Вы руководитель. Стало быть, вы знаете участников выставки. Итак, кто был здесь утром вместе с этим Таппером?

Секретарь раздумчиво потер подбородок.

– М-мм. Здесь был я, судья Стоун, Ралф Конвей, он разводит кур породы виандот, потом судья Уэлхаймер и несколько здешних рабочих.

– А мисс Мартин, она была здесь?

– Она пришла сюда до официального открытия выставки, но когда я в последний раз видел Таппера, ее близости не было.

– Кто здесь Уэлхаймер и Конвей?

Из толпы вышел высокий седозолосый человек.

– Моя фамилия Конвей.

– А где судья?

ДЛИННОНОГИЙ мужчина с выпяченной нижней губой протиснулся сквозь толпу.

– Я судья Уэлхаймер.

– Хорошо. Послушайте, куриные судьи и все остальные. Я сержант Дикинсон из городского уголовного розыска. Здесь совершено убийство, и я занимаюсь его расследованием, Это значит, что вы должны мне подчиняться. Понятно?

Квейд не сумел вовремя подавить смешок, и он донесся до чутких ушей сержанта. Детектив повернулся к Оливеру.

– А вы кто такой?

– Я Оливер Квейд – Человек-энциклопедия, – бойко ответил Оливер. – Я знаю ответы на все вопросы...

Сержант Дикинсон перекосялся от злости.

– Ты что, шутить надо мной вздумал? А ну-ка, подойди поближе, я хочу тебя получше разглядеть!

Квейд не двинулся с места.

– Там, понимаете, труп, а я как-то не люблю слишком близко подходить к мертвецам.

Сержант шагнул было по направлению к Оливеру, но гут же взял себя в руки. Однако лицо его залила краска ярости.

– Я еще займусь тобой, приятель. – Он резко повернулся к секретарю. – Кто обнаружил труп?

Касмер показал на одутловатого парня лет тридцати. Тот вымученно улыбнулся.

– Я малость запоздал и, как только пришел, принялся приводить в порядок свое хозяйство. Потом я увидел, что кто-то воткнул этот длинный крюк в замок. Я не думал ничего такого и открыл дверь. А он лежит там на полу. Мертвый.

– Вы работаете в фирме, которая делает эти инкубаторы? – спросил сержант.

Парень утвердительно кивнул.

– Я занимаюсь их продажей и обслуживаю выставку. Это лучший инкубатор, какой только можно сейчас найти. Им пользуются все самые известные специалисты по разведению породистых кур и инкубаторные станции...

– Умеете рекламировать свой товар, – пробурчал детектив. – Только я ведь не собираюсь покупать инкубатор. Вернемся лучше к нашему рассказу. Почему вы решили, что этот человек был убит?

– А что еще могло произойти? Он был мертв, а дверь была заперта снаружи.

– Я знаю. Но ведь он мог умереть, скажем, от разрыва сердца. В этой штуке воздуха достаточно, к тому же сверху есть вентиляционное отверстие.

– Его убили, – сказал Квейд.

Сержант Дикинсон прямо-таки взвился.

– А ты-то откуда знаешь?

– Достаточно поглядеть на труп. Любой скажет, что это – убийство.

– Ах, вот как! Может быть, ты еще скажешь, как он был убит? На теле нет никаких следов.

– Следов насилия нет потому, что его убили совсем иначе. Он был отравлен ядовитым газом. Каким-то цианистым соединением.

Сержант заиграл желваками.

– Ну, давай дальше! А кто его убил?

Квейд покачал головой.

– А вот это уже по вашей части. Я сказал вам достаточно для того, чтобы можно было начать расследование.

– Вы были нам очень полезны, – произнес сержант. – Настолько, что я намерен арестовать вас.

– Если вы эта сделаете, я подам на вас в суд за незаконный арест.

– Я считаю, что у меня для ареста достаточно оснований, – сказал детектив. – Человек, не имеющий никакого отношения к убийству, не может знать столько, сколько известно вам.

– И глупы же вы, сержант! – ответил Квейд. – Ведь эти люди сказали вам, что прошло несколько часов с тех пор, как они в последний раз видели живого Таппера. Он мертв по меньшей мере уже три часа. А я пришел в этот зал всего пятнадцать минут назад.

– Он прав, – вмешалась девушка. – Я видела, как он вошел. Он и его приятель. Они прошли прямо в ту сторону и начали рекламировать свой товар.

– Какой товар?

Коротенький куриный судья снова запрыгал вокруг детектива.

– Этот чертов парень – уличный торговец. Он жульнически заставляет задавать ему разные вопросы, отвечает на них и оскорбляет честных людей. Хвалится, что он самый умный человек в мире! Бродяга!

– От бродяги слышу, – отпарировал Квейд.

– Прекратите! – прикрикнул на них сержант. – Ближе к делу! Послушайте, – обратился он к Касмеру, – он что, действительно пришел сюда пятнадцать минут назад?

Касмер пожал плечами.

– Спросите у билетера, он, наверное, знает.

Билетер, пост которого был уже занят полицейским, хмуро посмотрел на Квейда.

– Да, он пришел совсем недавно. У меня есть причина помнить его. Он и его приятель прошли без билетов. Подумать только! Первый раз за восемь лет меня так одурачили. Вот ловкач! Да он...

– Подробности не нужны, – вздохнул сержант Дикинсон. – Я могу себе представить, как он вас обошел. Ну, мистер, вы его не убивали. Тогда скажите мне: откуда вы взяли, что он был удушен ци... ци...?

– Цианом. В его состав входит синильная кислота. Так вот. Тело было найдено внутри инкубатора, дверь была заперта снаружи. Значит, кто-то запер его в инкубаторе. Пока все правильно?

– Продолжайте, – задумчиво ответил сержант.

– В инкубаторе лежит разбитая склянка. Убийца кинул внутрь эту склянку с отравой, захлопнул дверь и запер ее. Меньше чем через минуту человек, оставшийся внутри, погиб.

– Подождите-ка. Склянка там есть, это верно. Но с чего вы взяли, что в ней был циан? Никакого запаха там не слышно.

– Не слышно потому, что убийца открыл вентиляционное отверстие и включил вентиляторы. Все это можно было сделать снаружи. Вентиляторы вытянули пары. Очень просто.

– Ну, не так-то уж и просто. До сих пор не сказали, откуда вы знаете, что это был циан.

– Да ведь у него все симптомы отравления цианом. Посмотрите на труп: зрачки расширены, глаза открыты, на губах пена, лицо искажено, тело скрючено и окаменело. Значит, он бился в конвульсиях. Если эти признаки не указывают на циан, то тогда я не знаю, что это может быть еще.

– Мистер, – сказал детектив, – как вы говорили, кто вы такой?

– Оливер Квейд, Человек-энциклопедия. Я знаю все.

– Хм, я начинаю в это верить. Ну, хорошо. А кто же все-таки его убил?

– Ну, это уж нечестно. Я сказал вам, *как* убили человека. А искать, кто убил, – ваше дело.

– Ладно. Только скажите мне еще одну вещь. Если этот циан содержит синильную кислоту, значит, он смертельный яд. Значит, так просто его купить нельзя.

– Верно, если иметь в виду городских покупателей. Но на основе циана делают разные инсектициды. Я не думаю, чтобы в склянке был чистый циан. Скорее всего, это была смесь, которой травят крыс на птицефермах. А ее может купить любой птицевод.

– А вот идет помощник следователя, – объявил Дикинсон. – Теперь мы проверим ваши слова, мистер Квейд.

СУДЕБНЫЙ врач доктор Богл быстро, но внимательно обследовал убитого. Его заключение поразительно точно совпало с диагнозом, который поставил Квейд. Квейд загадочно усмехнулся. Он повернулся и начал выбираться из толпы, окружившей детектива. Чарли Бостон и девушка двинулись за ним. Она восхищенно проговорила:

– Меня зовут Энн Мартин. Позвольте вам сказать, что вы просто блестяще во всем разобрались.

– Позволяю, – ухмыльнулся Квейд. – Я был, пожалуй, великолепен. Я уже представлялся, а это Чарли Бостон.

– Да, уж он за словом в карман не полезет, – сказал Бостон, раскланиваясь. – Умен, ничего не скажешь. Одного только он не умеет делать.

– Чего же?

Бостон хотел было ответить, но свирепый взгляд Квейда заставил его примолкнуть. Оливер кашлянул и перевел разговор в другое русло.

– Смотрите-ка, буфет. А ведь сейчас самое время закусь. Как вы насчет сосисок и оранжада, Энн?

Девушка улыбнулась.

– Не возражаю. Я, пожалуй, проголодалась.

Бостон придвинулся к Квейду.

– Ты что, забыл? – зашипел он. – У нас же нет денег.

Квейд не обратил на его слова ни малейшего внимания.

– Три порции сосисок и оранжада!

Через минуту они жевали сосиски. Допив своей оранжад, Квейд внезапно щелкнул пальцами.

– Извините меня... Я кое-что вспомнил.

И не обращая внимания на отчаянные протесты Чарли Бостона, он устремился к толпе, которая все еще окружала инкубатор.

Аппетит у Бостона бесследно пропал. Чтобы растянуть время, он старался жевать как можно медленнее. Энно, быстро управившись со своим сэндвичем, улыбнулась ему.

– Даже не заметила, как съела. Я возьму еще. А вы?

Бостон чуть не подавился.

– Нет, нет, я не голоден.

Девушка заказала еще сосиски и оранжад и разделалась с ними, пока Бостон растягивал последние крохи своего сэндвича.

Буфетчик многозначительно вытер прилавок по обе стороны от посетителей и наконец произнес:

– С вас восемьдесят центов, мистер.

Бостон начал обследовать свои карманы. Девушка следила за ним с явным любопытством. Чарли изучал содержимое карманов уже по второму разу.

– Странно, – сказал он наконец. – Должно быть, я забыл бумажник в отеле. Квейд...

– Разрешите, я заплачу? – сказала девушка, щелкнув застежкой кошелька.

Лицо Чарли сделалось свекольно-красным. Был бы на его месте Квейд, уж он-то не растерялся бы. Однако расхлебывать кашу приходилось ему, Бостону.

– А мистер Квейд все еще там, – сказала Энн Мартин.
– Пойдемте к нему.

БОСТОН был рад удрать подальше от злосчастной стойки. Расследование тем временем продолжалось. Сержант Дикинсон на четвереньках ползал внутри инкубатора. У дверцы стоял полисмен. Еще двое расхаживали снаружи.

Квейд приветственно махнул друзьям куском проволоки.

– Они ищут улики, – сообщил он.

Девушка зябко поежилась.

– Было бы лучше, если бы они убрали отсюда главную улику.

– Нельзя. Сначала надо сделать снимки, разыскать отпечатки пальцев. Хотя, в общем-то, это не нужно. Дело в том, что я знаю, кто убил.

Девушка от изумления открыла рот.

– Кто же?

Квейд не ответил. Он рассматривал кусок проволоки, который держал в руках. Очевидно, это был прут, вынутый из проволочной клетки для кур, но кто-то изогнул его в виде длинного вопросительного знака. Квейд похлопал проволокой по плечу Дикинсона.

Сержант поднял глаза и буркнул:

– Ну, что еще?

– Не это ли вы ищите? – спросил Квейд.

– А что это?

– Да просто кусок проволоки. Я только что его подобрал.

– Вы что, взялись разыгрывать меня?

Квейд пожал плечами.

– Да нет же. Я увидел, что вы ползаете на четвереньках, и подумал, что вы ищете что-то. Может быть, эту самую проволоку?

Дикинсон зафыркал от злости.

– Какого черта вам нужно? Если вы не хотите сказать, кто совершил убийство, оставьте меня в покое.

– О'кей! – Квейд швырнул кусок проволоки за ящики.

– Пойдемте, – сказал он Бостону и Энн. – Посмотрим индеек в том конце зала.

Они втроем направились по проходу между клетками. Бостон нетерпеливо крутился около Квейда:

– Кто убил, Олли?

– Пока не могу сказать: у меня нет доказательств. Потерпи немного.

Бостон шумно вздохнул.

– Убей меня бог, если ты не самый проклятуший парень из всех, кого мне доводилось знать!

– Вы хотите сказать, что пока не намерены сообщать сержанту Дикинсону? – спросила Энн Мартин.

– Да, я хочу немного подождать. Может быть, он сам наткнется. Не хотелось бы лишать его этого удовольствия. Сколько сейчас времени?

– Двенадцать тридцать, – сообщила девушка, взглянув на свои часики.

Квейд кивнул.

– Чудесно! В первых же дневных выпусках газет будут опубликованы отчеты об убийстве, и сюда повалят толпы ловителей острых ощущений. Значит, я смогу устроить неплохое представление и продать несколько книг.

– Я хотела спросить у вас, – обратилась к нему Энн Мартин. – Вы сегодня просто изумительно отвечали на вопросы. Никак не могу понять, как это вам удается.

– Придется на секундочку забыть о скромности: мне это удается потому, что я действительно знаю ответы на все.

– На все?

– Ну, конечно. Видите ли, я четыре раза прочитал всю энциклопедию от корки до корки.

Энн взглянула на него с изумлением.

– Всю энциклопедию?

– Двадцать четыре тома... Ну, давайте вернемся. Чарли, гляди в оба.

ПОСМОТРЕВ вперед, Бостон ахнул. Полицейские, прибывшие с доктором Боглом, выносили тело убитого человека. Раздосадованный сержант Дикинсон собирал свою команду и явно намеревался покинуть выставку.

– Уж не уходите ли вы, капитан Дикинсон? – спросил Квейд.

– Какой смысл мне тут болтаться? – огрызнулся сержант. – Тут у каждого есть заранее заготовленное алиби.

Квейд досадливо мотнул головой.

– Я сказал вам, как было совершено убийство? Сказал?

– Ну да. Только тут было больше дюжины разных ти-

пов, любой из них мог проделать все это незаметно для всех остальных.

– Нет, вы ошибаетесь. Это мог сделать только один человек.

Квейд не спеша шагнул к клетке для кур, взялся за железный прут и внезапным движением вырвал его. Потом он подошел к инкубатору,

– Посмотрите на этот вентиляционный люк, – сказал он. – Заметьте, что я свободно достаю до него. Впрочем, так же, как и вы, лейтенант. У нас рост примерно одинаковый – пять футов десять дюймов. Но человек ростом в пять футов два дюйма не достанет до него, даже если приподнимется на цыпочки. Понятно?

– Продолжайте, – сказал сержант Дикинсон.

Квейд изогнул пруток в длинный вопросительный знак.

– Пододвинуть сюда ящик или стул и взобраться на него – значит привлечь к себе внимание, – продолжал он. – Поэтому убийца, чтобы открыть люк вентилятора, воспользовался куском проволоки. Примерно так! – Квейд подцепил крючком крышку люка и без труда открыл его.

– Да, а мне это-то как раз и было нужно, – сказал сержант. – А ведь вы чуть не силой навязывали мне эту проволоку. Итак, судья Стоун, вы арестованы!

– Он врет! – заорал петушиный судья. – Он же сам только что выдрал эту проволоку из клетки!

– Это верно, – сказал Квейд. – Но вы видели, как я поднял тот, *ваш* кусок проволоки. И когда я его выбросил, после того, как попытался заинтересовать им сержанта, вы подобрали его и спрятали.

– Вы этого не видели!

– Нет, не видел. Я намеренно ушел, чтобы дать вам возможность отделаться от проволоки. Но я подстроил вам ловушку. Пока проволока была у меня, я вымазал ее чернилами. Посмотрите на свои руки, Стоун!

Судья Стоун повернул ладони вверх. Пальцы правой руки были испачканы черными чернилами.

Испустив вопль ужаса, он кинулся прочь.

ОСТАНОВИЛ судью не кто иной, как Энн. Она подставила ему ногу. Коротышка споткнулся и грохнулся головой о цементный пол. Прежде чем он успел встать, сержант Дикинсон защелкнул на его руках наручники.

После этого Стоун стих.

– Да, я убил его, этого проклятого паршивого вымогателя. Я много лет подсуживал его курам. А теперь из-за него меня выгнали с работы.

– Чем вы занимались? – спросил Дикинсон.

– Я был управляющим окружной конторы «Сибли компани». Она производит корма для птицы, – ответил Стоун.

– Почему же вас уволили? – спросил Квейд. – Не потому ли, что вы обвешивали его, когда продавали корм?

– Ну и что из того, что я не довешивал ему двадцать-тридцать процентов? Я делал для него гораздо больше. Я давал его паршивым курам призы, которых они никогда бы не получили.

– За год из этих двадцати-тридцати процентов набиралась кругленькая сумма, – сказал Квейд. – Ведь Таппер выращивал ежегодно более восьми тысяч цыплят.

– Все ясно, – сказал сержант Дикинсон. – Ну, мистер Квейд, вы превзошли все мои ожидания!

– Я только сказал вам, кто убийца.

Квейд отошел от сержанта.

– Энн, – сказал он, – мы с Чарли вконец обанкротились. Но сегодня днем зал будут осаждать толпы любопытных, и я собираюсь извлечь из них порядочную сумму денег. Эти сосиски не очень-то наполнили наши желудки, и я хочу спросить вас, не поддержите ли вы нас на предмет ленча.

В глазах Энн Мартин заплясали огоньки.

– Послушайте, мистер Квейд. Даже если бы вы попросили меня отдать все до последнего цента, я бы сразу это сделала. Ведь при желании вы бы все равно их заполучили. Вы величайший в мире коммивояжер. Вы даже ухитрились уговорить Стоуна признаться в убийстве!

Квейд улыбнулся.

– Что вы имеете в виду?

Она показала на руки Квейда.

– Ведь вы тоже держали тот проволочный крючок. Как же получилось, что ваши руки остались чистыми?

Квейд хмыкнул.

– А вы сообразительная девушка. Хм, сержант проглядел. Ну, ладно, покаюсь. Я увидел, что руки судьи Стоуна были вымазаны в чернилах еще тогда, когда отвечал на вопросы.

– Так, значит, вы совсем не пачкали тот прут?

– Нет. Но я знал, что он убийца, и он знал это. Только он не знал, что у него руки выпачканы. Поэтому...

Тут девушка глубоко вздохнула.

– Оливер Квейд, ленч за мной.

«ДА ВЕЛЕТЬ ОБЪЯВИТЬ...»

Законы наших предков

Наверное, многим из вас, уважаемые читатели, небезынтересно будет узнать, по каким законам жили наши предки. Предлагаем вашему вниманию выдержки из книги «Русская правда», вышедшей в 1907 г. в г. Свердловске (тогда – Екатеринбург) и представляющей собой свод основных русских юридических уложений.

Предлагаемые вашему вниманию выдержки из «Судебника» 1497 г. (принятого в царствование Ивана III) будут интересны еще и потому, что они хорошо отражают жизнь русских людей в эпоху кардинальных реформ, связанных с укреплением централизованной власти, законности и правопорядка.

СУДЕБНИК 1497 ГОДА

В 1497 году, в сентябре месяце, уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и боярами о суде, как судить боярам и окольниковым.

● СУДИТЬ суд боярам и окольниковым. А на суде быть у бояр и у окольниковых дьякам. А частных вознаграждений (взяток) боярам и окольниковым, и дьякам от суда и от следствия (в разрешении дела) не брать; также и любому судье частного вознаграждения (взятки) от суда не брать никому. А судом не мстить, не дружить никому.

● ЕСЛИ (тяжущиеся) решат поединком дело о поджоге или об убийстве, или о разбое, или о воровстве, то на побежденном взыскать сумму иска, да окольниковому на побежденном взять полтину, да вооружение, в котором он вышел на поединок, а дьяку (пошлина) четверть (рубля), а приставу (пошлины) полтина, да приставу же пошлины за организацию поединка 4 алтына. А сам побежденный (на поединке) в наказание (подведомственен) боярину и дьяку.

● А УБИЙЦА господина (крестьянина, убившего своего владельца) и заговорщика, святотатца, и вора, совершившего убийство, и разглашателя секретных сведений, и поджигателя города с целью выдачи его врагу – заведомого преступника (из числа перечисленных) лишить жизни, казнить его смертною казнью.

● ЕСЛИ какого-либо вора задержат в каком-либо воровстве в первый раз (кроме кражи в церкви и кражи, сопровождающейся убийством), а в иной краже в прежней (совершенной ранее) улики (доказательства) на него не будет, то казнить торговою казнью, бить кнутом, да взыскав на нем сумму иска, и судье его наказать продажей (штрафом). Если же не окажется у того татя имущества, чем (можно было бы) заплатить сумму иска, то бив его кнутом, да выдать головою истцу в его (истца) убытке для продажи в рабство, а судье ничего на нем (воре) не изыскивать.

● ЕСЛИ задержат вора вторично в краже, то казнить его смертною казнью, а сумму иска заплатить из его имущества, а остаток его имущества (отдать) судье. А не окажется у того вора имущества, равного убытку истца, то его

истцу в убытке (последнего) не выдавать (для продажи в рабство), казнить его смертною казнию.

● ЕСЛИ какой-либо человек умрет без духовной грамоты (завещания) и у него не останется сыновей, то все (его) движимое имущество и земли (переходят) дочери, если не будет у него дочери, то взять (движимое и недвижимое имущество) ближайшему родственнику.

● ДА ВЕЛЕТЬ ОБЪЯВИТЬ по торгам в Москве, во всех городах Московской земли, и Новгородской земли, и по всем волостям приказать, чтобы истец и ответчик судьям и приставам взятки не обещали в суде, а по слухам, если они не видели (обстоятельств дела), не давать показаний, а если видели, сказать правду. А если послух послушествует ложно, не видев (обстоятельств дела), а впоследствии это откроется, то на том послухе (будут взысканы) все истцовы потери и с (судебными) издержками.

Дети Кристи Замский Ванный Клад

И НАКОНЕЦ, – сказала Джейн Хелиер, – познакомьтесь с мисс Марпл!
По торжественному тону актрисы гости должны были понять, что перед ними незаурядная лич-

ность, так сказать, гвоздь сезона. Но на вид в этой особе не было ничего особенного. Старушка и старушка. Представленные ей молодые люди – стройная брюнетка Чармиэн Строуд, белокурый гигант Эдвард Росситер – с трудом скрывали свое разочарование.

Чармиэн пробормотала из вежливости: «Мы так рады с вами познакомиться». И тут же вопросительно поглядела на хозяйку дома.

– Дорогая, – незамедлительно откликнулась Джейн, – теперь вы спасены. Она – просто чудо. Ведь вы поможете им? – добавила она, обращаясь к мисс Марпл. – Для вас это пустяк.

Мисс Марпл невозмутимо перевела взгляд своих небесно-голубых глаз на мистера Росситера.

– Может быть, вы расскажете мне, в чем дело, – предложила она.

– Мы с Джейн подруги, – перебила ее Чармиэн. – Она обещала познакомить нас с лицом, которое смогло бы... сумело бы...

Эдвард поторопился вмешаться:

– По словам Джейн, вы первоклассный сыщик, мисс Марпл!

Скрывая насмешливый блеск в глазах, мисс Марпл скромно возразила:

– Ну, что вы! Ничего подобного. Просто, когда живешь в деревне, как я, невольно становишься знатоком человеческой психологии. Но вы меня заинтриговали: в чем ваше затруднение?

– Боюсь, что я вас разочарую, – ответил Эдвард. – Всего лишь клад.

– Правда? Это звучит заманчиво!

– Так только кажется. В действительности, никакой романтики. Ни острова сокровищ, ни карты с черепом и костями. Сплошная проза – не знаем, где копать.

– Но вы уже пробовали?

– Еще бы! Вскопали целый гектар! Теперь спорим, что сажать: морковку или картошку.

– Давайте лучше мы вам все расскажем, а? – решила вдруг Чармиэн.

– Ну, конечно, милочка.

– Пойдемте куда-нибудь, где нам не будут мешать. Пошли, Эдвард.

Выбравшись из прокуренной гостиной, они поднялись по лестнице и расположились в маленькой комнатке второго этажа.

Когда все уселись, Чармиэн выпалила:

– Ну так вот! У нас с Эдвардом был дядя или, скорее, прапрадядюшка, до того он был древний. Он очень любил нас с Эдвардом и всегда говорил, что после своей смерти завещает нам все свое имущество. Тем более, что мы его единственные родственники. И вот в марте он умер. Как и обещал, он все оставил нам в наследство. Только наследство оказалось липовое: дом и участок, и никаких денег. Мы с Эдвардом этого не ожидали.

– Да, – с готовностью подтвердил Эдвард, – у нас нет своих средств, и нам не на что содержать фамильный особняк, так что, видимо, придется его продать. Это, конечно, очень печально. Кроме того, рассчитывая получить много денег, мы наделали долгов, и, если не разыщем дядюшкиного клада, нам нелегко будет расплатиться.

– Ты не рассказал самого главного, Эдвард.

Тот повернулся к мисс Марпл.

– Понимаете ли, чем дядя Мэтью становился старше, тем он делался подозрительнее. Он никому не доверял.

– И правильно делал, – заметила мисс Марпл, – людская испорченность непостижима.

– Может быть, вы и правы. Во всяком случае, дядя Мэтью тоже так думал. Один его приятель разорился из-за банкротства банка, другой разорился оттого, что доверился нечестному нотариусу, сам он потерял значительную сумму, купив акции жульнической компании. После этого он стал уверять, что единственный надежный способ хранить деньги – это перелить их в золотые слитки и зарыть в землю.

– Ага, – сказала мисс Марпл, – я начинаю понимать.

– Да. Друзья спорили с ним, что так он лишается процентов, но он отвечал, что это неважно. Деньги, говорил он, надо держать в сундуке под кроватью или закопать в саду.

– Наверное, так он и сделал, – подхватила Чармиэн. – Ведь он был очень богат, а никаких ценных бумаг после его смерти не обнаружили.

– Он продал ценные бумаги на большую сумму, – пояснил Эдвард, – но что он сделал с деньгами, никто не знал. Отсюда и возникло предположение, что он закопал деньги, следуя своим принципам.

– А он не оставил какой-нибудь записки или письма?

– В том-то и обида, что нет. Перед смертью он несколько дней был в бессознательном состоянии. Потом он пришел в себя, поглядел на нас и тихонько хихикнул. Он

сказал: «Я о вас позаботился, голубчики». Он дотронулся до своего правого глаза, подмигнул и... умер. Бедняга!

– «Дотронулся до глаза», – задумчиво повторила мисс Марпл.

– Вам эго что-нибудь говорит? – оживился Эдвард. – Мне лично сразу вспомнился рассказ про Арсена Люпена, где что-то было спрятано в стеклянный глаз. Но у дяди оба глаза были настоящие.

Мисс Марпл покачала головой,

– Нет, пока мне ничего не приходит в голову.

– Ну вот, а Джейн уверяла, что вы сразу скажете, где копать, – огорчилась Чармиэн.

Мисс Марпл улыбнулась:

– Я ведь не волшебница, знаете ли. Я не была знакома с вашим дядей, плохо представляю себе, что он был за человек, и не видела дома и участка.

– А если бы видели? – спросила Чармиэн.

– Тогда все было бы просто, – ответила мисс Марпл.

– Просто! – возмутилась Чармиэн. – Вот приезжайте к нам, тогда увидите, как это просто!

Она сказала это в запале и вовсе не расценивала свои слова как приглашение, но мисс Марпл отрезала ей пути к отступлению.

– Большое спасибо, милочка, – сказала она, – я давно мечтала принять участие в отыскании клада. – И одарила молодых людей благосклонно-старомодной улыбкой.

ВИДИТЕ! – воскликнула Чармиэн с трагической миной. Они только что обошли дом и уголья. Побывали в огороде, порядком перекопанном, в

рощице, где возле каждого дерева зияла яма; осмотрели лужайку, обезображенную раскопками. Они поднимались на чердак осмотреть содержимое переворошенных сундуков и корзин. Опускались в подвал, плиточный пол которого был безжалостно вскрыт. Мисс Марпл убедилась, что в стенах не было тайников, а в шкафах – двойных стен.

На столе в гостиной высилась груда бумаг покойного Мэтью Строуда. Эдвард и Чармиэн без конца перебирали старые счета, приглашения и письма, надеясь отыскать какой-нибудь ключ к загадке.

– Могли мы что-нибудь проглядеть, как по-вашему? – спросила Чармиэн.

Мисс Марпл покачала головой;

– Вы действовали очень старательно, милочка. Пожалуй, даже перестарались. Мне кажется, надо всегда сначала подумать... Совсем как у моей приятельницы, миссис Элдрич: ее горничная замечательно натирала паркет, но однажды она натерла пол в ванной комнате, и, когда миссис Элдрич ступила на коврик, он поехал, и она упала и сломала себе ногу! Ужасно неприятно, тем более, что дверь ванной была заперта, и дворнику пришлось влезть через окно по приставной лестнице. Вообразите, каково было смущение миссис Элдрич, ведь от природы она крайне стыдливая женщина!

Эдвард начал проявлять нетерпение.

Мисс Марпл поспешила извиниться:

– Простите меня. У меня привычка уклоняться в сторону. Но, знаете ли, одно напоминает другое. Иногда это очень полезно. Я хочу сказать, что, если напрячь мозги, то можно узнать, в каком месте...

– Вот вы и соображайте, мисс Марпл, – сердито перебил ее Эдвард, – у нас с Чармиэн полная пустота в мыслях.

– Бедняжечки! Конечно, вы переутомились. Разрешите, я просмотрю эти бумаги. – Она указала на ворох, лежащий на столе. – Если, конечно, тут нет ничего секретного.

– О нет, смотрите. Только, боюсь, вы напрасно потратите время.

Она уселась за стол и методично просмотрела все бумаги, машинально сортируя их и складывая аккуратными пачками. Закончив просмотр, она задумчиво уставилась перед собой.

Эдвард спросил ее с некоторым злорадством:

– Ну, как, мисс Марпл?

Вздвогнув, мисс Марпл пришла в себя.

– О, простите, это было очень поучительно.

– Нашли что-нибудь важное?

– О нет, но зато я теперь знаю, что за человек был ваш дядюшка. Весьма похож на моего дядю Хенри, по-моему. Любитель незамысловатых шуток. Холостяк, конечно. Трудно сказать, почему. Довольно методичен, но не любит брать на себя обязательств, как вообще все холостяки!

За спиной мисс Марпл Чармиэн знаком показала Эдварду: «По-моему, она того!»

А мисс Марпл с увлечением распространялась о своем дяде Хенри:

– Он обожал игру слов. Многих это раздражало. Потом он был ужасно подозрителен. Ему казалось, что слуги обворовывают его. Иногда, конечно, так и было, но не всегда же. К концу своей жизни он решил, что его хотят отра-

вить, и ничего не ел, кроме вареных яиц! Уверял, что в вареное яйцо яд не положишь. А до того он был страшный весельчак.

Эдвард почувствовал, что, если мисс Марпл не перестанет рассказывать про своего дядю Хенри, он сойдет с ума.

– Он любил ребятишек и подшучивал над ними: например, вешал сладости так, что дети не могли дотянуться.

Забыв про вежливость, Чармиэн вскричала:

– Какой противный старик!

– О, вовсе нет, милочка. Просто холостяк, не привыкший к детям. Он держал деньги в доме и завел специальный сейф. Без конца хвастался, какой он надежный. В результате всех этих разговоров в дом забрались жулики и проделали в сейфе огромную дыру какими-то химическими средствами.

– Так ему и надо, – сказал Эдвард.

– Но в сейфе-то ничего не оказалось, – продолжала мисс Марпл. – Он, видите ли, держал деньги совсем в другом месте: на книжной полке, за молитвенником. Он утверждал, что никому не придет в голову снять подобную книгу с полки!

Эдвард встрепнулся:

– Послушайте, это идея! Может, деньги в библиотеке?

Но Чармиэн грустно покачала головой.

– Я уже думала об этом. Когда ты ездил в Портсмут, я просмотрела свою библиотеку.

Эдвард вздохнул. Потом решил как-нибудь потактичнее отделаться от бесполезной гостьи.

– С вашей стороны было очень мило приехать к нам помочь. Жаль, что ничего не вышло. Но я могу отвезти вас на станцию на машине, и вы еще успеете на трехчасовой...

– Что вы, – сказала мисс Марпл, – ведь мы еще не нашли денег. Не надо отчаиваться, мистер Росситер. Надо бороться до победного конца.

– То есть вы хотите продолжать поиски?

– Точнее говоря, – возразила мисс Марпл, – я еще и не начинала. «Сначала поймайте кролика», как советует миссис Битон в своей поваренной книге. Замечательная книга, между прочим, хотя и очень неэкономная. Большинство рецептов начинается так: «Возьмите дюжину яиц и кварту сметаны»... Да, позвольте, о чем это я? Ну, словом, мы уже поймали кролика, то есть вашего дядюшку, остается только сообразить, куда он мог спрятать деньги. Это, должно быть, нетрудно.

– Нетрудно? – усомнилась Чармиэн.

– Ну, конечно, милочка. Он должен был поступить самым прямолинейным образом. Потайной ящик – вот мое мнение.

Эдвард не выразил энтузиазма:

– В потайной ящик золотые слитки не спрячешь.

– Конечно, нет. Но откуда вы взяли, что деньги в слитках?

– Он всегда говорил...

– Так же, как мой дядя Хенри насчет сейфа! Я подозреваю, что этим он только отводил глаза. А вот бриллианты, например, вполне могут храниться в потайном ящике.

– Но мы уже осмотрели всю мебель. Мы даже приглашали столяра.

– Правда? Как это умно с вашей стороны, милочка. По-моему, вероятнее всего, что ящик находится в письменном столе вашего дядюшки. Кажется, вот тот, у стены?

– Да, сейчас я вам его покажу. – Чармиэн подошла к письменному столу и подняла крышку.

Внутри оказалась масса отделений и ящичков. Она открыла маленькую дверцу посредине и нажала кнопку в левом ящичке. Стенка среднего отделения отодвинулась. За ней обнаружилось пустое пространство.

– Наверное, – сказала мисс Марпл, – ваш столяр был молодой человек. А то бы он знал, что люди в прежние времена были весьма хитроумны в изобретении потайных мест. Внутри каждого тайника существовал еще тайник.

Она вытащила шпильку из своего аккуратного пучка седых волос. Выпрямив шпильку, она воткнула ее в едва приметную дырочку в стенке потайного отделения. С видимым усилием она выдвинула маленький ящичек, наполненный доверху связками писем.

Эдвард и Чармиэн жадно кинулись на находку. Дрожащими руками Эдвард развернул лежавшую сверху сложенную вчетверо бумагу. И тут же пренебрежительно отбросил ее в сторону.

– Кулинарный рецепт! Жареная грудинка!

Чармиэн развязала ленточку, связывавшую письма. Она вытащила одно письмо и пробежала его глазами.

– Любовные письма!

Мисс Марпл проявила неподдельный восторг:

– Как интересно! Может быть, мы узнаем, почему ваш дядя не женился.

Чармиэн прочитала вслух: «Навеки дорогой мне

Мэтью, должна признаться, что время показалось мне долгим с момента получения вашего последнего письма. Я стараюсь отвлечься исполнением своих многочисленных обязанностей и часто говорю себе, как мне повезло, что я увидела так много частей света, хотя, по правде говоря, отправляясь в Америку, я совсем не предполагала, что окажусь на островах».

Чармиэн прервала чтение:

– Откуда это послано? Ах, с Гавайских островов!

Она перевела дух и стала читать дальше:

«Увы, туземцы еще далеки от прозрения. Они пребывают в диком и раздетом состоянии и большую часть времени проводят в танцах, плавании, разукрашивании себя гирляндами цветов. Мистер Грей обратил нескольких, но это тяжелый труд, и мистер и миссис Грей сильно обескуражены. Я делаю все, что могу, чтобы подбодрить их, но я и сама часто грущу по причинам, известным вам, мой дорогой Мэтью. Увы, разлука – жестокое испытание для любящего сердца. Ваши новые заверения в неослабевающей привязанности весьма обрадовали меня. Навсегда преданная вам, любящая вас Вера Глаз».

– Вот это да! – воскликнул Эдвард. – Миссионерша! Ай да дядя Мэтью! Но интересно, почему он на ней не женился?

– Глядите-ка, она объехала весь свет, – заметила Чармиэн, просматривая письма. – Остров Маврикия и тому подобное... Может быть, она умерла от желтой лихорадки?

До них донеслось сдержанное хихиканье. Это веселилась мисс Марпл, изучая кулинарный рецепт. «Господи, – приговаривала она, – ну и ну!».

В ответ на вопросительные взгляды молодых людей, она прочитала вслух: «Возьмите жареную грудинку, добавьте укропа и прочей чепухи и поджарьте на постном масле».

– Что вы на это скажете?

– Неаппетитно, – поморщился Эдвард.

– О, я спрашиваю вас не о том, вкусно это или нет.

Эдварда вдруг осенило:

– Вы полагаете, что это шифр?! Знаешь, Чармиэн, это вполне возможно, – сказал он, подумав. – Иначе, зачем бы он стал класть кулинарный рецепт в потайной ящик?

– Вот именно, – подчеркнула мисс Марпл.

Тут оживилась и Чармиэн.

– Знаю, – закричала она, – невидимые чернила! Давайте нагреем рецепт. Эдвард, включи камин.

Эдвард включил электрокамин. Но, увы, от нагрева на рецепте новых букв не появилось.

Мисс Марпл деликатно кашлянула.

– Вы, видите ли, напрасно все усложняете. Рецепт всего лишь присказка. Намек заключается в письмах.

– В письмах?

– И в частности, – в подписи.

Но Эдвард уже не слушал ее.

– Поди сюда, Чармиэн! – возбужденно взывал он. – Гляди, конверты пожелтели, а письма – нет, значит они были написаны позже!

– Несомненно, – подтвердила мисс Марпл.

– Подделка под старину. Держу пари, дядя Мэтью сам написал их.

– Совершенно очевидно, – подтвердила мисс Марпл.

– Сплошной обман. И миссионерши никакой не было. Это какой-то шифр.

– Дорогие мои дети, вы опять усложняете. А ваш дядя был прямолинейный человек. Он любил немного пошутить.

Молодые люди впервые серьезно прислушались к словам мисс Марпл.

– Что вы хотите сказать? – спросила Чармиэн.

– Я хочу сказать, что деньги у вас в руках.

Чармиэн недоверчиво воззрилась на нее.

– Подпись, милая. В ней все сказано. Рецепт только намек. Судите сами: «Чепуха на постном масле». Значит, главное – в письмах. А теперь вспомните, что сделал ваш дядя перед смертью? По вашим словам, он дотронулся до глаза. Вот где ключ к разгадке.

Чармиэн покачала головой:

– Не знаю, кто из нас сошел с ума!

– Неужели, дорогая моя, вы никогда не слышали поговорки: «Не верь глазам своим»?

Эдвард так и охнул, поглядев на подпись под письмом, которое он держал в руках:

– «Вера Глаз»!

– Разумеется, мой дорогой. Как вы сами догадались, такой особы не существовало вовсе. Письма все написаны вашим дядюшкой. И как он, наверное, веселился, когда их писал. А конверты гораздо старше писем. Например, на том, что вы держите в руках, марка со штампом 1851 года.

Она сделала многозначительную паузу. Потом повторила с ударением:

– 1851 года. Теперь вам все ясно, не правда ли?

– Лично мне – нет, – сказал Эдвард.

– Ах, да, – спохватилась мисс Марпл, – я бы и сама ничего не поняла, если бы не мой внучатый племянник. Такой милый мальчик и страстный коллекционер. Он мне все рассказал о ценных марках. Я, помню, очень удивилась, когда он рассказал мне, что на аукционе за марку со штампом 1851 года дают около 25 тысяч долларов. Вообразите себе. Вероятно, и на остальных письмах такие же ценные марки. Недаром ваш дядюшка принял меры предосторожности и «замел следы», как выражаются в детективных романах.

Эдвард застонал. Он сел на диван и закрыл лицо руками.

– Что с тобой? – спросила Чармиэн.

– Ничего. Просто я подумал, что, если бы не мисс Марпл, мы наверняка сожгли бы эти письма!

– Да, – сказала мисс Марпл, – старые шутники не принимают в расчет нетерпение, свойственное молодежи. Я помню, мой дядя Хенри послал одной из своих племянниц пять фунтов, вклеенные в открытку, а сверху написал: «Это все, что я могу подарить тебе на Новый год». Бедняжка была так разочарована, что бросила открытку в огонь вместе с пятью фунтами.

Но к этому времени отношение Эдварда к дяде Хенри в корне переменялось.

– Мисс Марпл, – объявил он, – я пойду принесу бутылку шампанского. Надо выпить за вашего дядю Хенри.

ГАРРИ ГАРРИСОН НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

РИС. КОЖЕВИКОВ И. В. 1989г.

Язон дин Альт был уверен, что его никто не знает на планете Кассилия. Он пригласил взять большой куш в игорном доме... Но незнакомец, назвавший себя Керк Пирр, нарушил его планы.

Ну, хватит шуток шути! Займемся делом!

Вот 27 млн. кредитов! В казино ты должен выиграть на них 3 млрд. кредитов! Я знаю, ты изрок, ты сможешь.

Я согласен, но хочу знать, кто вы такой и откуда такие деньги?!

Керк был посланником планеты Пирр. Деньги он получил за продажу руды на Кассилии.

Все, что я выиграю сверх 3 млрд. будет моим!

Казино "Кассилия" служило главным игорным центром для ближайшего звездного скопления. Благодаря своим телекинетическим способностям, Язону удалось выиграть свыше 3 миллиардов кредитов.

Ух, наконец! На эти фишки мы получим в кассе свои миллиарды. Теперь главное выйти отсюда.

Эй, вы куда? **СТОЯТЬ!!!**

На стоянку, у меня там машина!

БАЦ!

БАЦ!

Керк! Автомобиль! Он летит прямо на нас!!!

ПОР!

ПОР!

Ух ты! А теперь куда?

Мы поведем к торговцу Сир Эппу!

Погрузка оружия на корабль закончена. Но извини, Керк, мы такие сделки наличными не оформляем.

А я предпочитаю деньги на бочку. Давай расписку. Спасибо, Эл!

А теперь, Язон, мы будем прорываться на космодром, на корабль "Гордость Дархана"!

На дарханском корабле кассильцы нас не тронут. Иначе будет война!

Теперь нельзя терять ни секунды!

Сейчас они будут стрелять!

ТРАХ!

ТРА-ТА-ТА ТРА-ТА

У тебя отличная пушка, Керк!

Берегись! Сейчас выпрыгиваем!

Лезь через проволоку и бегом к кораблю!

Керк, с Дархана я полечу с тобой на Пирр.

Сначала доберись до корабля!

Я капитан корабля "Гордость Дархана". Как это все надо понимать?! Кто вы?

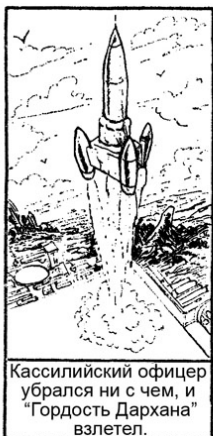
Мы граждане другой планеты. Но эти кассильцы - дикари, с ними невозможно иметь дело! Вот наши билеты!

А ну выходи, сволочи! Сбежать думали, да не тут-то было! Руки вверх!

Один выстрел на дарханской территории, и я нажму эту кнопку!

Не делай этого, не надо начинать войну! Черт с вами!

Кассилийский офицер убрался ни с чем, и "Гордость Дархана" взлетел.

На Дархане Керк и Язон пересели на пиррянский корабль. На нем Язон познакомился с Метой и полюбил ее

Расскажи мне про Пирр. Почему вы с Керком так уверены, что я там погибну?

Пирр не похож ни на что во всей Галактике. Это УЖАС!

Ну и перегрузки! Кости трещат!

Корабль совершал посадку на Пирр.

Керк все-таки разрешил Язону дин Альту выйти из корабля после посадки.

Полезай в такой же цилиндр. Потом тебя вынесут.

Язону стало жутко, когда упавшая сверху тварь впилась в стенку цилиндра, в котором он лежал.

Язон был вынужден смотреть на Пирр только через окно. Город носил следы недавних боев.

На планете только один город. Мы его называем Периметр.

Вот этого инопланетника, Бруччо, ты возмешь к себе в адаптационную клинику.

Если ты хочешь жить, то у нас без этой штуки невозможно обходиться!

Напичканный антигенами, Язон к тому же изнывал от двойного тяготения планеты.

Язон прошел курс обучения в школе, где естественную природу Пирра заменяли тренажеры. И все же Язон не смог достичь нужного уровня.

Насмотрелся на Пирр и готов возвращаться в "цивилизованные" миры?

Представь себе, нет. Я много думал о Пирре и решил сказать...

Дерьмо!
Из-за тебя
погиб мой сын!

Язон, тебя ценой
своей жизни спас
Велф, последний
сын Керка. Ты будешь
в изоляторе, пока не придет
корабль. Через две недели
ты покинешь Пирр навсегда.

Мне очень
горько,
что Велф
погиб. Но
я хочу
помочь вам.

Язон узнал, кто такие
корчевщики, и решил
попасть к ним, чтобы
разгадать тайну планеты
изнутри. С этой целью он
напросился в бронетранспортер
Кранона.

Ультранитовая
граната и золотой
фуфляр станут твоими,
Кранон, если ты
возмешь меня
с собой.

ПОФ!

Инопланетник,
стой! Назад,
подонок!

Когда транспортер выехал за
Периметр и остановился для
разгрузки менового товара
корчевщикам, Язон сумел
обмануть Кранона и успел
скрыться в джунглях.

В глубине джунглей
природа Пирра не была
так враждебна к человеку,
как вокруг Периметра, и это
вызывало у Язона еще
больше вопросов.

Погодите!
Я пришел
с миром!
Я инопланетник
и ...

Правда?
Инопланетник?

БАЦ!

Рес! В лесу я поймал
"жестящика".
Он называет себя
инопланетником!

Хорошо,
Накса.
Веди
его!

Мое имя Рес. Я... корчевщик.
Я болен, мне осталось
жить несколько дней.
Но я видел... у горожан...
какое-то приспособление...
у вас нет с собой такого
аппарата?

Вы, очевидно,
говорите про
аптечку.
Хорошо, я
вылечу вас
от болезни.

Язон вылечил Реса,
вождя корчевщиков,
и вошел к нему
в доверие.

А мне описывали вас
как грязных, невежественных
дикарей. А у вас есть
электроника

ХА-ХА-ХА

Как раз в их
духе
глупость. Они
не знают
мира, в
котором
живут.
Мы даем
им
продовольствие.

Взамен от них получаем
все, кроме оружия и
медикаментов.
Известно, что все мы
происходим от колонистов,
которые прибыли в одно
время. В какой-то момент
они разделились на две
группы. Возможно, была
война. Все равно жестящиков
не переделять. Их надо
убивать.

У вас есть люди, которых вы называете "говорунами". У них телепатические способности. Может, разгадка здесь.

Может быть. Только когда вернетесь, улетайте с Пирра на другую планету. И прилетайте сюда на другом корабле. За это я обещаю вам все, что угодно.

Я не сделаю ничего, что могло бы повредить вашему народу, Рес, и всячески постараюсь помочь ему.

Чтобы не вызвать подозрения жестянщиков, корчевщики умело инсценировали возвращение Язона.

Это ты, инопланетник?! Быстрей залезай в бронетранспортер!!! Прикройю!

Проклятые корчевщики!

Язон в душе восхищался людьми, которые подвергли риску свою жизнь, чтобы его побег выглядел натуральным.

Везучий ты, на дюйм пониже, и попало бы прямо в сердце. Говорил я тебе - берегись этих корчевщиков!

Кому было сказано ждать отправления корабля в изоляторе?! Почему покинул город? Ты разговаривал с корчевщиками?

Я ни с кем не разговаривал. Они охотились за мной, я убил двоих и прятался, пока не пришла машина. Я воевал -

- за вас, Керк! Мне удалось разобраться в причинах войны. На город постоянно направлено излучение, своего рода команда, которая настраивает здешние организмы, восприимчивые к телепатии, на войну. Все эти атаки, мутации - все подчинено одной цели: **ИСТРЕБИТЬ ВАС!!!**

Вот здесь: с этого острова направляется излучение на Периметр. Мета, сажай корабль!

Язон запеленговал источник.

Я добиваю мира, а не истребления. Ты обещал связаться с этими существами, попробовать повести переговоры. Честный человек держит слово.

В другое время я убил бы тебя за оскорбление! Ну, да ладно, ты сделал большое дело. Мы - за войну! Мы истребим их!

Керк приказал высадить десант.

Вот вход в логово этих извергов.

На искусственное сооружение непохоже, обыкновенная пещера. Ух, нас начали атаковать какие-то мерзкие тварю!

Никогда не видел... Какие-то гигантские растения... Просто голова РАЗЛАМЫВАЕТСЯ!

ОСТАВИТЬ БОМБУ И ОТОЙТИ! НАЗАД!!!

Они не успели уйти! Если он не переключил механизм, у нас в запасе 10 секунд. **УВОДИ КОРАБЛЬ!**

Какая ужасная волна ненависти! Каково было им, там, внизу!

Мы потеряли 25 человек, но они выполнили задание. Добрали эту мерзость и покончили с войной!

Керк, ты?! Сейчас же возвращайся с кораблем! Без его пушек мы не справимся! Минуту назад тут началось невообразимое, атакуют со всех сторон!

Как это так? Война окончена. Мы взорвали их, уничтожили штаб!

Ты! Это ты виноват! Ведь я знал, что ты не прав, но поддался тебе! Каждый кто погибнет там, будет на твоей совести!

БАЦ!

НЕ СМЕЙ!

Язон был против высадки этих людей. Ты не имеешь права убивать его за это!

Хорошо, что Мета задержала Керка. И хорошо еще то, что в этой капсуле оказалась горячее!

КОЗН-75

Черт возьми, корабль идет на перехват!
Керк открыл огонь!!!

Капсулу тряхнул взрыв, Язон рванул штурвал на себя и едва успел закрыть руками лицо.

Ветви спружинили, тормозные ракеты сработали вовремя, трясина тоже смягчила падение. И все-таки это была не посадка, а крушение.

Целый день Язон отстреливался от окружившей его стаи волков. Наконец кончились патроны и Язон приготовился умереть.

В последнюю минуту подоспели, насколько я понимаю. К счастью, есть говорун, и он приказал волкам уйти. Город подвергся невиданной атаке, ты бежал на ракете. Что происходит?

Я объясню. Всем нам хочется, чтобы прекратилась война на Пирре. Мы нападём на город и прорвём периметр. Я знаю, как это сделать. Победа даст вашему народу все то, о чем вы давно мечтали.

Пусть говоруны организуют атаку диких животных на город в одном месте, в противоположном конце от космодрома. Возле корабля ослабят охрану, и мы захватим корабль. А у кого в руках корабль, тот и диктует условия на Пирре.

Рес и другие корчевщики одобрили план Язона дин Альта. и решили осуществить его несмотря ни на что.

Ника сообщил, что звери начали атаковать Периметр. Пора приступить, Язон!

Постой, Рес! Не забывай про огнемёт. Он даст залп через... Есть! Пошли!

Прежде чем автоматический огнемёт дал очередной залп, корчевщики успели подбежать к стене и взорвать ее.

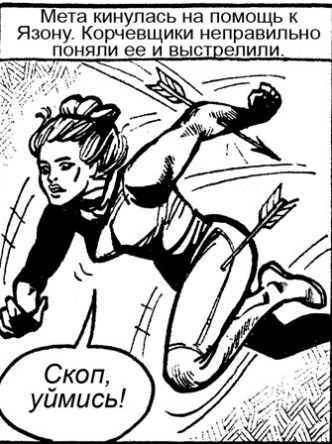
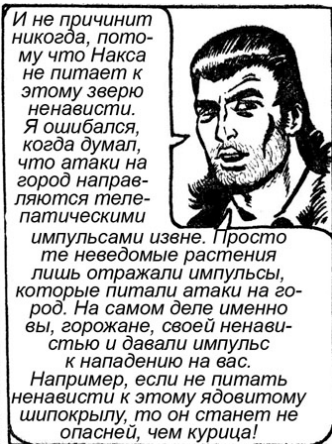

Живей под корпус,
пока он не открыл
огонь!

Вдруг навстречу выскочил
жестящик, он был убит
мгновенно.

Скоп метнулся к оружию, сложенному в конце отсека, но арбалеты пропели ему похоронную мелодию.

Спасибо, Мета, за помощь... и за то, что ты поняла... Бруччо, перевяжи ее раны. Надеюсь, конфликт исчерпан? Я хотел бы предложить три пути спасения Пирра. Первый и наилучший путь - воссоединение городских и сельских пиррян.

Но найдутся люди, которых не переубедить. Они будут воевать до самой смерти. Второй путь - расселение по планете.

Ты рассказал о двух путях. А третий какой?

Третий путь - самый милый моему сердцу. Я хочу набрать на Пирре добровольцев, оснастить звездолет и отправиться на нем осваивать новые миры.

Я не смогу остаться в городе, там останутся такие, как Скоп. В лес уйти я тоже не смогу... Я лучше поеду с тобой, Язон. Возьми меня.

Ну, а теперь пожмите-ка друг другу руки. Ведь распрям конец!

И они пожали друг другу руки, потому что настала пора перемен.

ОТВЕТ

На опубликованный в предыдущем выпуске ПиФа психологический практикум («Удар по голове»):

Инспектор Варнике заметил на кухне кипящую кастрюлю. За одну минуту вода в кастрюле не могла бы вскипеть.

СТЕПАН ВАРТАНОВ

ДОСТИГШИЕ ЗВЕЗД

СИГНАЛ тревоги застал 19-го в оранжерее. Мигнул и погас свет, а затем произошло то, чего не было ни разу за всю историю экспедиции – лампы зажглись вновь, но вполнакала, и не все, а лишь каждая четвертая. Это означало, что перестала поступать энергия из большого реактора, и ток для бортовых систем, а главное, плазму для двигателя гонит теперь крошечный аварийный, до сих пор работавший на холостом ходу. 19-й представил себе, как в полной тишине раскаляется докрасна керамический шар в кормовом отсеке звездолета...

Для волнения были все основания – в свое время этот реактор ремонтировали, причем в условиях далеко не идеальных. И если он даст течь...

Раздался резкий удар гонга, и в коридорах звездолета зазвучал записанный на пленку еще в незапамятные времена женский голос:

– Тревога первой степени! Тревога первой степени! – И снова гонг. И снова: «Тревога...»

Тут только 19-й заметил, что стоит в той самой позе, в которой застал его сигнал: с секатором в руках, по локти зарывшись в одну из гидропонных секций. Отбросив инструмент, он кинулся опроретью к выходу из оранжереи.

«Взрыва, кажется, не было, – лихорадочно соображал 19-й, продираясь сквозь зеленую чащу. – Только бы не взрыв! Что угодно, только не взрыв! Большой реактор нам не починить...»

Он выбежал из оранжереи и помчался по непривычно темному коридору, мимо многочисленных технических помещений. В свое время ребяташки разрисовали весь звездолет героями мультфильмов, а также чудовищами собственного изобретения, и теперь, в полумраке, все это зверье, выполненное, к тому же, светящимися красками, злорадно, как показалось 19-му, наблюдало за бегущим человеком. По-прежнему ровно пришепетывали «движки», в такт им чуть ощутимо, словно дыша, вибрировали переборки, мягко пружиня и словно стимулируя шаг, покачивался пол, – все было спокойно, обыкновенно и буднично, как всегда. Как ни странно, двери боксов, блокируемые обычно при каждом ЧП, были теперь распахнуты настежь. И 19-й вдруг сообразил, что тревога была первой степени, а не нулевой, и что немедленное уничтожение им не грозит.

Добравшись наконец до малой рубки, 19-й с размаху плюхнулся за пульт. Основываясь на печальном опыте, экипаж, получивший сигнал тревоги, должен был рассредоточиться по кораблю, чтобы от удара, каким бы он ни был, пострадало как можно меньше людей. Поэтому из более чем двухсот человек в рубке находилось всего ше-

стеро. Остальные сейчас точно так же сидели перед экранами в других отсеках, ожидая решений компьютера, анализировавшего причины аварии. Обычно программа поиска повреждений занимала одну-две секунды, однако время шло, а сигнальные лампочки, оповещавшие об окончательном итоге работы электронного мозга звездолета, все не зажигались и не зажигались.

19-й обвел взглядом помещение. Маленький круглый зал, в отличие от коридоров, был хорошо освещен. Дежурившей здесь смене вообще отводилась основная роль в предполагаемом сценарии «конца света». Малая рубка располагалась ближе всего к ферме большого реактора, и именно находящимся здесь предстояло, в случае надобности, идти в «горячую зону».

19-й встретился взглядом с сидящим напротив 162-м, дежурным от группы медиков, плотным мужчиной лет сорока, и улыбнулся ему. Тот попытался улыбнуться в ответ. Результат был жалок – губы у 162-го мелко дрожали, рот был искривлен, на лбу выступили капли пота.

Впрочем, 19-й ни секунды не сомневался, что, возникни такая необходимость, 162-й пойдет в горячую зону и останется там навсегда. Как и любой из экипажа. Когда горит муравейник, муравьи бросаются в огонь – и иногда им удается его погасить. «И все-таки, – подумал 19-й, – неужели и у меня такая же вот перекошенная физиономия? И так же дергается щека? Надо держать себя в руках. Ну-ка!».

Он сделал глубокий вздох, пытаясь успокоиться, и в этот момент лампочки вспыхнули, и экран рассекла ярко-красная строчка: «Обрыв силового кабеля».

АНАЛИЗ собственных мыслей и побуждений был на корабле обязательной дисциплиной, и позднее 19-й не раз пытался вспомнить, о чем он думал тогда и что чувствовал. Кажется, он даже не пытался осознать случившееся – просто сидел и смотрел на экран. Затем за соседним пультом 113-я откинулась на спинку кресла и тихо засмеялась. И только тут до него дошло. Обрыв кабеля.

– Всего-то? – потрясенно произнес он.

162-й шумно заворочался в своем кресле и как-то внушительно объявил: «Живем!». Теперь он уже не выглядел испуганным.

«Как и все мы, – подумал 19-й. – Пронесло. На этот раз пронесло».

Весь экипаж находился сейчас у экранов, и все переводили дух, освобождаясь от чувства миновавшей опасности. Затем на пульте вспыхнуло слово «локализация», видимо, техники набрали запрос компьютеру с требованием указать, где именно произошло повреждение.

Ответ 19-й не понял. На экране обычным зеленым цветом засветилась строчка: «Локализация невозможна».

– Ну и ну, – пробормотал 19-й, – не знал я, что для нашего компа существуют невозможные вещи.

Компьютер, установленный на корабле, по сути, управлял абсолютно всем, происходящим на борту. Он следил за работой реактора, находил и ликвидировал мелкие повреждения, он управлял всеми корабельными автоматами, контролировал очередность вахтенных дежурств, держал в своей необозримой памяти родословные всех членов экипажа, составлял ежедневные меню для каждого

и учил детей. И уж, конечно, хранилась в его памяти схема гигантского звездолета, со всеми изменениями, внесенными после старта. И вот на тебе.

– Кто-нибудь знает, что это может означать? – поинтересовался 54-й.

– Я знаю, – 113-я пожала плечами, – только все равно чушь получается.

– Ну?

– Ну, в общем, такой ответ возможен, если схема корабля в памяти компьютера не соответствует истинному положению дел.

В рубке воцарилось молчание. А на экране тем временем строчка за строчкой умножались комментарии – кто-то из группы технического обеспечения давал разъяснения.

– Выходит, надо идти? – полуутвердительно осведомился 54-й.

19-й протянул руку к пульту и набрал на клавиатуре: «Жребий». Компьютер ответил незамедлительно:

– 19.

ЖИЛАЯ зона звездолета имела форму цилиндра, на верхнем торце которого возвышалась ажурная конструкция фермы главного реактора, увенчанная гигантским шаром. Такое расположение было выбрано не случайно – реактор должен улавливать космический водород и служить одновременно метеоритной защитой для жилой зоны. И вот теперь, видимо, шальной метеорит ухитрился подобраться к кораблю не спереди, где он благополучно угодил бы в воронку пита-

ния и оттуда в виде плазмы поступил бы в двигатель, а сзади и сбоку, причем не просто подобраться, а разрушить заключенный в прочную оболочку вакуумной защиты силовой кабель.

В отсеке, возле шлюзовой камеры, 19-й с непривычки долго облачался в жесткий скафандр, весьма плохо слушавшийся рук, приспособленных больше к прополке и корчеванию, чем к выполнению столь трудоемких и совершенно не нужных рядовому члену экипажа дальнего звездного перелета функций в полностью компьютеризированном корабле. Беспрестанно сверяя свои действия с впаянной в стенку отсека методологической схемой «одевания рабочей космической одежды типа скафандр средний», 19-й самокритично усмехался, думая, что следящие за ним давно потеряли терпение, прежде чем он смог наконец выговорить: «Ну, все. Готов».

– Ни пуха, ни пера, – с ехидцей послышалось в наушниках. – Первый блин комом. Да будет тебе известно, что ты приобщен к лику исторических личностей. За все время полета это первый выход нашего брата вовне... Прежде обходились роботами...

– Первый? – 19-й удивился. – Хорошо строили предки.

Корабль шел с постоянным ускорением, и любой сорвавшийся с него предмет быстро оказывался за кормой, попадая в сектор радиоактивного выброса двигателя. Это, а также непосредственная близость реактора, широко по периметру распространявшего излучение, делали выход человека наружу весьма нежелательным. Но чтобы выход был первым!

– Ладно, – произнес 19-й, – к черту.

Он внутренне напрягся, ткнул пластиковым пальцем перчатки контактную клавишу, однако, вопреки ожиданиям, дверь не шелохнулась. Вместо этого по стенам заплясали беспокойные красные огоньки и из динамиков внешней связи до 19-го донесся знакомый женский голос, тот самый, что передавал сигнал тревоги.

– Дверь заблокирована, – пропел голос. – К сожалению, выход за пределы корабля представляет для вас опасность. Произвести его вы можете только с разрешения командира корабля, после того, как дверь будет разблокирована с центрального пульта.

Голос был мягкий и ласковый, в нем чувствовались успокаивающие нотки.

– Рассчитано на то, чтобы остановить насмерть перепуганного дезертира, – хмыкнул 19-й. – За кого они нас принимали?! И, кстати, кто у нас на корабле командир? – Из наушников раздался дружный смех.

– Я попробую, – неуверенно предложила 113-я. – Наверное, это будет не очень сложно...

ПРОШЛО, однако, не меньше десяти минут, прежде чем красные огоньки погасли, и дверь открылась. Поправив на плече телекамеру, 19-й шагнул в шлюзовую, единственным источником света в которой был прожектор его скафандра.

19-й осмотрелся. Пять метров в длину и три в ширину. Такие габариты необходимы для того, чтобы наружу мог пройти вездеход – самая крупная из передвижных машин корабля, он где-то читал об этом.

Силовой кабель тянулся по потолку шлюзовой и выхо-

дил сквозь обшивку на внешнюю поверхность. Но последовать за ним 19-й, увы, не мог. Перед ним была голая стена без малейших признаков входа и выхода. Шлюзовая не имела выхода!

Осознав этот поразительный факт, 19-й завертел головой и обнаружил, что отсутствует также и генератор-заборник для откачки воздуха из шлюза. И, наконец, сам силовой кабель, несущий кораблю энергию, не имел вакуумной защиты. Похоже было, что шлюзовой никто и никогда не пользовался.

– Не может быть! – ошеломленно пробормотал 19-й. – И потом, я же своими глазами видел макет корабля в ходовой рубке!

Он подошел к стене и внимательно – вплоть до простукивания – обследовал гладкую поверхность металла. Никаких следов шва, вообще ничего.

– 113-я! – позвал он.

– Слушаю, – озадаченно отозвалась она.

Телекамера скафандра передавала изображение на все экраны корабля, и теперь весь экипаж пытался разобраться в ситуации.

«Теперь, по крайней мере, ясно, – подумал 19-й, – что значит «локализация невозможна». Но вот ЧТО это означает?»

– Закрой за мной дверь, – произнес он вслух, – выведи из кормового шлюза робота и подведи его к этой двери снаружи.

– Делаю!

Еще четверть часа ожидания, пока насосы откачают воздух из второго шлюза, пока робот доберется до противоположного конца корабля-гиганта...

Рация скафандра 19-го работала на общей волне, и было слышно, как кто-то в отчаянии воскликнул:

– Ну, этого же просто не может быть! Я же сам выводил роботов, и все всегда было в порядке!

«И я, – подумал 19-й. – И я выводил роботов и вел профилактику обшивки».

ВСЕ роботы корабля имели телевизионную связь с компьютером, и для контроля состояния обшивки вовсе ни к чему было выходить из корабля людям. Все делали управляемые на расстоянии автоматы, и каждый член экипажа следил за их работой в свое дежурство, и не раз.

– 19-й? – На этот раз голос 113-й был еще несчастнее, чем прежде. 19-й легко мог представить себе, как она хмурится и кусает губу.

– Я вывела робота, сейчас он стоит с той стороны. Между вами только дверь шлюза.

– Ты хочешь сказать – стена?

– Да нет же, дверь! – почти выкрикнула 113-я. – На экране дверь!

– Здесь нет никакой двери... Ладно, прикажи роботу открыть шлюз снаружи.

Пауза,

– Не открывается!

– Я вас слушаю, – сказал 19-й. – Что делать дальше?

– Резать, – быстро ответила 113-я. – У тебя на поясе фазер. Будет небольшая потеря воздуха, но...

– Резать глупо, – возразил 54-й. – Есть еще кормовой шлюз, можно попытаться выйти через него.

– И лезть полкилометра по вертикальной стене?

– Я считаю, – медленно произнес 19-й, – что стену надо резать. Пока я буду заниматься кабелем, автоматы нарастят тут шлюз. На эксперименты с кормовым люком, я считаю, нет времени – помните? – малый реактор работает с перегрузкой. Есть еще идеи? Я начинаю.

Он извлек из кобуры оружие – фазерный пистолет, связанный проводом с аккумулятором скафандра.

– Убери-ка оттуда робота, – посоветовал он, целясь. – А то я его, пожалуй...

Он нажал на кнопку фазера и повел лучом, стараясь по возможности, чтобы рука не дрожала. Стена вздулась огненными пузырями, там, где по ней пробежала ослепительно сверкающая искорка, металл плавился и вскипал. Однако, вопреки ожиданиям 19-го, вырезанный им пласт не был выброшен наружу давлением находящегося в шлюзе воздуха, напротив, его словно вдавило внутрь. Тяжелый броневой кусок обшивки с грохотом рухнул на пол, но не было пронзительного свиста уходящего воздуха.

19-й, отскочив назад, не рассчитал усилия и врезался во внутреннюю дверь шлюза.

А из широкого отверстия на пол с веселым шорохом посыпалась щебенка и мелкий песок.

ШОК был так силен, что на какое-то время 19-й утратил способность воспринимать окружающий мир. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что стоит, изо всех сил упираясь лопатками в стену, и тупо тарашится на вырезанное в стене отверстие с неровными оплавленными краями и на кучу грунта под

ним. По куче, словно микроскопические лавины, стекали струйки пыли.

Сморгнув с ресниц пот, 19-й с огромным трудом оторвался от стены и на негнущихся ногах подошел к отверстию. Очень медленно нагнулся и поднял с пола камешек. Просто камешек, кусочек серого мергеля. Держать его в перчатках скафандра было очень неудобно, и лишь мину-ту спустя 19-й сообразил, что скафандр тут ни при чем – просто у него тряслись руки.

– Земля, – ошеломленно произнес он и вдруг понял, что это, пожалуй, и есть единственно возможное объяснение происходящему.

Земля! О господи, ЗЕМЛЯ!.. Что же, выходит, мы никуда не летели!? Без малого восемьсот лет – никуда? Модельный эксперимент?..

19-й выпустил из рук камешек и тяжело опустился на пол.

– «Нас предали, – подумал он. – Просто так вот взяли и предали. Подопытные кролики»...

Чуть слышно шелестела вентиляция, пол слегка вибрировал от работы двигателя... Двигателя? Значит, все это обман?!

– А ведь кто-то, – подал голос 54-й, – защищал на нас – на нас! – эти... диссертации! На нас, понимаете?! Мы тут...

– Не верю, – вдруг заявила 113-я. – Не верю и все! Это ошибка, это...

– Зачем же ошибка? – удивился 54-й. – Никакой ошибки. Изучают нас... Кто там из техников на вахте? Отключите энергию от двигателя.

Прошло пять минут, десять... Затем внезапно вибрация

исчезла. Двигатель был отключен, но невесомость не наступила.

– Приехали.

БОЛЬШЕ всего землеройный робот напоминал гигантского муравья на гусеничном ходу. Муравьиная «голова» сверкала шестью рядами стальных челюстей-эффекторов, а брюшко, где находился питающий узел, было связано с «грудью» тонкой талией и блестело в свете прожектора совсем как хитиновый панцирь.

Робот этот, как и множество других подобных устройств, был сделан уже после старта корабельными техниками. Бум в роботостроительстве произошел на звездолете три века назад, когда 115-й, тогдашний 115-й, разумеется, изобрел резонансный аккумулятор.

В шлюзе стало светлее. 19-й вернулся и увидел двух техников, тоже в скафандрах, укрепляющих на стене дополнительные прожектора, тут же из динамиков раздался возмущенный голос 113-й, требовавшей, чтобы все, не задействованные в операции, немедленно покинули шлюз. Техники поспешно ретировались.

– Команда на исполнение, – сказала 113-я.

Робот ожил. Пластиковые гусеницы пришли в движение, и гигантский муравей неожиданно легко подкатился к отверстию в стене. Замер, затем, нерешительно потыкав преграду щупом, поднялся на дыбы и взревел. Стальные лопасти завертелись, во все стороны полетела каменная крошка, и помещение заволочло пылью.

19-й отошел в угол и сел по-турецки, приготовившись ждать.

– В принципе, ситуация ясна, – заговорил 54-й. – Что мы имеем? Имеем мы модельный эксперимент по отработке условий дальних космических перелетов. Скажем, генетические исследования, изучение психологической совместимости или даже устранение неполадок в системах жизнеобеспечения. Но это только на первый взгляд. А на второй...

– А на второй, – подхватил 19-й, – какими такими исследованиями можно заниматься в течение восьми веков?! Насколько мне известно, психологическая совместимость экипажа вполне оправдалась или не оправдалась бы от силы лет за двадцать-тридцать, а неполадки в системе жизнеобеспечения мы устраняли и устраняем с помощью компьютера... созданного ими!

– Это раз, – произнес он после небольшой паузы. – А вот как вы думаете, неужели за восемь веков на Земле не изобрели ничего быстрее нашего корабля? За восемь веков! Ведь эксперимент должен был стать попросту не нужен!

– Дело не только в этом, – заметил 54-й. – Ты подходишь к проблеме с чисто технической стороны – выгодно-невыгодно. А ведь есть еще и сторона моральная. Ведь для любого из нас, членов экипажа, жизнь человеческая является абсолютной ценностью. Абсолютной. Если есть способ достичь цели, не причиняя человеку вреда, мы, без сомнения, выберем именно этот способ, будь он хоть в сто раз сложнее. А если такого способа нет...

– Мы откажемся от цели.

– Верно. Мы откажемся от цели – и ну ее к черту! Люди важнее. Так.

19-й представил, как 54-й пожимает плечами.

– Из книг можно сделать вывод, что и для оставшихся людей; то есть... тоже. В том смысле, что с Земли улетели не все гуманисты. Но вот вопрос – как это согласуется...

ЭТО произошло четыреста двадцать лет назад. На малом реакторе, установленном на корабле на случай неисправности большого, произошла утечка радиации.

Аварийного расписания тогда еще не существовало, и по сигналу тревоги весь экипаж собрался в жилой зоне. Там они все и погибли, почти тысяча человек, составлявшие тогдашний экипаж. Автоматика заблокировала ясли, где находились дети от одного до трех лет. И всё. К счастью, системы очистки воздуха и воды имелись в каждом помещении, так что ясли превратились в изолированный островок, не сообщающийся с остальными отсеками корабля. Единственными воспитателями для малышей стали учебные программы да книги... Они забыли даже свои имена – чего требовать от трехлеток? Знали лишь номера, соответствующие им в памяти компьютера. А снаружи, где экономная автоматика отключила ненужный свет, мерцали по ночам стены, да плодились в оранжерее и виварии жуткие мутанты...

Прошло восемьдесят лет, прежде чем люди смогли покинуть свое убежище, и более двухсот – пока не отскоблили по сантиметру въевшуюся в стены радиоактивную пыль,

«И теперь получается, – подумал 19-й, – что все это время над нами росли деревья и светило солнце? Что мы

не летели никуда? И что там, наверху, сидели у экранов люди, которым стоило лишь нажать на кнопку...»

– По-моему, – произнес он, – аморальна сама идея полета. Нужно быть палачами, садистами, чтобы такое проделать...

ГРОХОТ оборвался, и наступила тишина. Затем зашуршал, осыпаясь, песок, и из туннеля выбрался робот и отъехал в сторону, освобождая дорогу. Дорогу на Землю.

19-й направился вперед. Пол в галерее, пробитой в скальном грунте, круто шел вверх, так что иногда приходилось помогать себе руками. Вдобавок у 19-го возникло неприятное чувство, а именно, что все эти тонны мергеля у него над головой сейчас просядут и раздавят их прибежище, как пустую яичную скорлупу... Он встряхнулся, прогоняя наваждение.

После того, как он поднялся метров на пятнадцать, путь неожиданно преградила сплошная стена сплетенных корней. Подчиняясь приказу компьютера, робот пробил шахту в камне, но оставил закрывающий вход слой дерна.

– Внимание, – сказал 19-й, – я выхожу.

Затем размахнулся и ткнул преграду кулаком. Сопротивление оказалось на удивление слабым. 19-й высвободил руку – и в пробоину хлынул солнечный свет. Тогда он изо всех сил рванул упругий ковер на себя...

Туннель выходил на горный склон, покрытый травой и редким кустарником. Внизу, у подножия горы, была долина, заросшая лесом. Над нею, громоздясь, сияли нестерпимым блеском горные вершины. 19-й поднял глаза – и

впервые в жизни увидел небо. По небу плыли облака, все это великолепие находилось гораздо выше, чем он предполагал,

– Справа! – грохнуло в наушниках. 19-й стремительно обернулся. Метров в двадцати от него сидел небольшой рыжий зверек с тонкой мордочкой и длинным пушистым хвостом,

– Лиса, – выдохнула 113-я. – Живая лиса!

– Зато людей тут нет, – сказал 19-й. – И я не вижу никаких следов их деятельности. Попробуйте выпустить сокола.

На небо он старался не смотреть: с непривычки сильно кружилась голова. Смотрел на лису.

– А что, это идея...

СОКОЛОМ называли созданный техниками звездолета робот-разведчик, по сути, летающую кинокамеру. Внешне он был неотличим от земной хищной птицы, хотя, конечно, использовал другой принцип полета.

Он вылетел из люка, словно коричневая молния (лису как ветром сдуло), и сразу же круто пошел вверх. Ионный двигатель работал почти бесшумно. 19-й, поколебавшись, уселся на землю у входа в туннель и, достав из заплечного кармана скафандра экран, пристроил его на коленях.

Сокол уже закончил набор высоты и теперь двигался по расширяющейся спирали, в центре которой находился корабль. На экране проплывали горные хребты, чередующиеся с долинами, затем пошла степь, пересеченная множеством речек. 19-й смотрел, как менялась на экране

местность и осознавал, что во всех этих изменениях есть нечто общее – полное отсутствие признаков человека,

– Не так я себе все представлял, – проговорил он. – По идее, здесь, наверху, должен стоять институт, исследующий нас, иначе зачем был нужен сам полет? И потом, должен же быть кто-то, кому можно в морду плюнуть...

Тишину вновь нарушил голос в наушниках. 19-й узнал 84-го, одного из старейших членов экипажа.

– Полет? – усмехнулся он.

– Полет, – упрямо повторил 19-й, – он и был полетом. Для нас, по крайней мере, да. Мы летели к звездам. А что до тех, кто нас в этот полет отправил, не думаю, чтобы их мнение меня особенно интересовало.

– Боюсь, – отозвался 84-й, – что столь же мало их будет интересовать и наше мнение. Как, кстати, и мы сами. Ведь в самом деле, какие исследования можно проводить восемьсот лет подряд? Я склонен думать, что о нас вообще забыли. За ненадобностью. Слишком уж пусто вокруг.

– Как это забыли?! – возмутилась 113-я. – Мы же живые люди и находимся здесь, кстати, по их милости,

– Это только в сказке человек отвечает за тех, кого он приручил, – возразил 84-й. – А в жизни... Вы-то, небось, ждали, что к выходу туннеля примчится толпа в белых халатах, и все с цветами и прочим хлебом-солью?

– Ну, знаешь! – возмутился 19-й. – А почему в таком случае им бы не выпустить нас отсюда?

– А зачем?

– Что значит – зачем?

– Зачем им было нас выпускать?

В наушниках щелкнуло, и новый голос ворвался в разговор:

– Внимание! Говорит группа техников. При тщательном осмотре стен корабля нами обнаружены приборы скрытого наблюдения.

Голос на мгновение запнулся, а затем, словно извиняясь, добавил:

– В неработающем состоянии.

– Сдаюсь, – мрачно заявил 19-й. – Похоже, что ты был прав, и нас действительно забыли. Но это... Это ведь подло!

– Кто же спорит, – согласился 84-й. – Подло, да. Но, знаешь, главной подлостью был сам полет. А уж все остальное, поверь мне, лишь следствие этой подлости. Вот ведь какая логика – запустить настоящий корабль дорого. Если там что-нибудь окажется не так, то будут потеряны большие средства. Так что поставим опыт на мартышках – если они передохнут, то хоть оборудование уцелеет. – Он усмехнулся. – Кто же мог представить, что мартышки не передохнут? Держать людей столько поколений на искусственном воздухе, когда в десяти метрах... – 84-й закашлялся и умолк.

19-й пожал плечами. Наверное, эти люди просто не представляли себе, что это значит – ни разу в жизни не видеть облака, солнце, лису вот эту, – зверек опять выбрался из кустов и с безопасного расстояния наблюдал за человеком. 19-й решил в ближайшее время заняться его приручением. «Или ее», – ни с того ни с сего поправил он сам себя.

ЧЕРЕЗ некоторое время вновь заговорили техники. Развив бурную деятельность, они «взлома-ли» защиту памяти компьютера и основательно покопались в системе базовых программ. При этом, как и ожидалось, была обнаружена скрытая программа, которую нельзя было ни вызвать, ни стереть. Программа эта выдавала на экраны фальшивые изображения внешнего вида корабля и звездного неба вокруг. Особая часть программы ведала поломками. Время от времени на дежурный экран выдавалось сообщение о том, что поврежден тот или иной участок обшивки. Дежурный посылал наружу роботов – понятно, что за изображение поступало с их телекамер. Сам робот, естественно, наружу не лез, а отсиживался в шлюзе. Все элементарно просто.

Сокол, между тем, удалился от корабля километров на пятьдесят. Пейзаж оставался прежним – поля без дорог, леса без просек, реки и речки без мостов, словом, никаких следов человека. А затем, на экране появилась дорога, выгладевшая сверху как идеально прямая линия, выложенная пунктиром белых пятен и перечеркивающая равнину с севера на юг. Летевшая высоко в небе машина поджала крылья и, спикировав вниз, поплыла над самой землей, на высоте каких-нибудь десяти метров.

Строго говоря, их находка давно уже не была шоссе, по крайней мере, в обычном смысле слова. Белые пятна, замеченные людьми с высоты, вблизи оказались вздыбленными и покореженными останками бетонного покрытия, расколотыми напором растительности. И все-таки, это была дорога.

Сокол набрал высоту и полетел над дорогой на север.

Разумеется, ни одна птица не выдержала бы такой гонки. Машина же, убрав крылья, теперь, как ракета, неслась по прямой со скоростью четырехсот километров в час.

– Правый верхний угол экрана, – вдруг сказала 113-я.

И 19-й заметил, довольно далеко от полосы шоссе, сооружение, столь нелепо возвышавшееся среди практически идеальной равнины, что его искусственное происхождение сомнений вызвать не могло.

Подчиняясь сигналу оператора, сокол сменил курс и через несколько секунд на бреющем полете уже огибал высокое серое здание, сложенное из монолитных, накрепко вросших друг в друга камней.

Затаив дыхание, следили несостоявшиеся звездоплаватели за переменной картин разрушительной работы времени, до неузнаваемости изменившей творение рук их далеких предков. Стены постройки избороздили глубокие трещины, сквозь которые бурой накипью пробивалась трава, изломанные и сгнившие оконные переплеты увивала распространяющаяся по карнизам мишура рыжеватого мха, черно-зеленый каплеобразный купол раскололся, и теперь здание зловеще увенчивали его обломки, похожие на застывшие языки пламени.

– Церковь...

– Купол медный, окислился...

– А крест? – спросил 19-й.

Креста не было.

– Может быть, его забрали? – предположила 113-я.

– Был такой обычай?

– Не знаю, но почему бы и нет? Это было бы только справедливо – когда люди уходят откуда-то навсегда, они снимают с церкви крест и забирают его с собой.

– Вряд ли, – подал голос 84-й. – «Навсегда», как ты выразилась, уходили обычно не от хорошей жизни, и тогда было не до крестов...

– «Навсегда, – подумал 19-й. Он покачал головой, вглядываясь в окружающие церковь поля. – Навсегда... Кто же уйдет из такого рая навсегда? И куда? Или... Может быть, к этой красоте можно привыкнуть настолько, чтобы, уходя, не почувствовать боли?»

...Крест нашли буквально через минуту, он лежал в густых кустах у стены, воткнувшийся в землю и заросший мхом.

Сокол парил теперь в трехстах метрах над землей, слегка покачиваясь в потоках нагретого воздуха.

– Кстати, – задумчиво произнес 84-й, – меня очень интересуют эти холмики. Слишком уж правильно они расположены.

– Ты полагаешь?

– Похоже на останки домов, – заявил 84-й. – Что, если разрыть один из них? Ничего живого там нет...

Сокол накренился, скользя вниз и в сторону, выплюнул две горошины – резонансные аккумуляторы огромной емкости. Прошло не меньше секунды.

«Не сработали», – подумал 19-й. Оружие такой мощности они никогда не испытывали. Тут с глухим клекотом, словно что-то заурчало в утробе земли, порода вспучилась и, разрывая блеснувшее пламя, вверх поднялся рыхлый столб земли и дыма. Хотя оператор выбрал самый удаленный от церкви холмик, видимо, взрывная волна все же докатилась до нее – со стены сполз огромный пласт штукатурки, а росшая раньше из трещины в кладке березка ви-

села теперь кроной вниз, удерживаясь на стене каким-то чудом. Сокол снизился.

– Это называется, – сказала 113-я, – сейчас...

– Кирпичная кладка, – подсказал 84-й.

– Да, да, кладка.

На дне ямы виднелось то, что, видимо, некогда было крестьянской печью.

– Я слышал, – тихо произнес 19-й, – что, когда в избу попадала бомба, рушилось все, кроме печи. Печь выдерживала.

ИЗОБРАЖЕНИЕ на экране мигнуло и стало ясным. Вокруг сокола бушевала гроза, сверкали молнии и почти непрерывно грохотал гром. В видимом диапазоне почти ничего нельзя было различить за стеной дождя, и компьютер синтезировал изображение по данным локации.

– Город, – объявила 113-я.

Периодически на экране возникали куски размытой схемы урбанополиса-гиганта, сгустком бесформенной кляксы распластавшегося по равнине. От домов почти ничего не осталось, и локатор помогал увидеть под слоем земли и травяного покрова прямоугольные контуры фундамента. Как ни удивительно, но один из домов на окраине города оказался почти цел. Это был гигантских размеров небоскреб, похожий на серую иглу, вонзившуюся в низкие тучи. В него били молнии.

Когда сокол приблизился, 19-й с удивлением заметил, что в окнах верхних этажей кое-где сохранились стекла. Ну, конечно! Он же читал, что из-за сильного ветра в

небоскребах использовали стекла особой прочности. И все равно странно.

Компьютер закончил наконец обработку данных локации и выдал на экран карту города в целом.

– Озера? – изумилась 113-я. В городе было четыре озера – два связанные перемычкой с рекой и два изолированные.

– Это не озера, – подал голос 34-й. – Это воронки от атомных взрывов.

– Что?! – воскликнул 19-й.

Все заговорили разом, и какое-то время ничего невозможно было понять.

– Здесь была война, – дождавшись тишины, вновь заговорил 84-й. – Это объясняет все – и отсутствие людей, и то, что мы... Что нас забыли. И пустой эфир. Полагаю, мы – единственные люди на планете.

– «Война, – подумал 19-й. – Очень просто – война».

Он попытался представить себе облака, сотканые из огня и пыли, поднимающиеся над огромным городом.

Он поднялся, собираясь возвращаться в корабль, затем, неожиданно для самого себя, повернулся, откинул забрало шлема и сделал глубокий вдох.

Пахло незнакомыми травами и теплым летним вечером. Не нарушая покоя, звенели под ногами кузнечики, в кустах причитала птица.

– Предки, – медленно произнес 19-й. – Благодаря вашему предательству, мы остались живы. Но это вовсе не значит, что мы вас когда-нибудь простим.

ИВАН БУНИН
КОМПАС

Качка слабых мучит и пьянит.
Круглое окошко поминутно
Гасит, заливаает хлябью мутной –
И трепещет, мечется магнит.

Но откуда б, в ветре и тумане,
Ни швыряло пеной через борт,
Верю – он опять поймает Nord,
Крепко сплю, мотаясь на диване.

Не собьет с пути меня никто,
Некий Nord моей душою правит.
Он меня в скитаньях не оставит,
Он мне скажет, если что: не то!

Месяц октябрь подарил миру немало великих людей. Махатма Ганди, Ф. Лист, О. Уайльд. Среди них – и наши соотечественники: С. Есенин, Э. Межелайтис, М. Лермонтов, И. Павлов, И. Бунин... Ничего не скажешь – яркое созвездие! Все они родились под знаком Весов. «...Оказывается, планеты образовывали особую конфигурацию, – писал знаменитый писатель-фантаст Станислав Лем, признавая гороскопы, – знаки зодиака самым неумолимым образом располагались именно так, а не иначе...» И в результате появляется на свет именно те люди, а не

иные, в данном случае – высокоодаренные художественные натуры. Огонь их творческой мысли с годами – все ярче. Вот как, например, сказал М. Горький о Иване Алексеевиче: «Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души».

● В «М-СКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ» =====

Аномалия. А я ?

«Черные силуэты гуманоидов приблизительно в три метра высотой стояли на фоне светящегося шара».

«Мухортов!?! Главный контактер?»

«Фотодокументов много, но вам мы их показывать не будем...»

«Эмиль Федорович занимается уфологией давно, и, что самое главное, – всерьез».

«Инопланетянин Вова... или рассказ о том, как я был пришельцем».

«Зефир-2, Зефир-2! Я – Зефир-3. Прошу связь. Зефир-2! Дай зеленую ракету... Чужая станция, чужая станция! Я – Зефир-3. Прошу ответный световой сигнал...»

«Я дважды был в состоянии клинической смерти и оба раза видел себя со стороны».

«Вначале подумал, что кто-то подкинул дров в костер: на стенке палатки, в освещенном прямоугольнике явно были видны ветки стоящих рядом деревьев».

«Эмиль Федорович, говоря всем, что в «зоне» надо быть безоружным, вы сами ходите с охотничьим ружьем. Почему?»

«Астрономы Коуровской обсерватории подтвердили: 26.09.1989 г. над Кишертским районом Пермской области наблюдалось северное сияние».

«Два ярких шарика размером с виноградину двигались по пашне, то приближаясь, то удаляясь, как бы заигрывая. «Кокетки» – окрестили мы их».

«Получены результаты химического анализа воды. Результаты ошеломляющие».

«Сильная, сдавливающая головная боль, направленная от затылка ко лбу, покалывание в кончиках пальцев».

«Родной брат – инкогнито».

«Необходимо комплексное изучение Молебской аномалии. Требуется грамотные специалисты и хорошее оснащение, нужен спонсор».

«Кооператив строит сауну в «треугольнике».

«Выше крон деревьев, закрывая весь видимый горизонт, небо прорезал ярчайший блик».

С 27 сентября по 2 октября в «М-ском треугольнике» работала экспедиция кооператива «Свиток», в состав которой входили журналисты «Уральского следопыта», инженеры-электронщики, физики, операторы кабельного телевидения, профессиональные фотографы, экстрасенсы, медики. Результаты, полученные в «зоне», читайте в одном из ближайших номеров «ПиФа».

Подготовил М. КОЗЛОВСКИЙ.

НЕВЕЗУХА

ЗА СОСЕДНИМ столом Дик развлекает пятерку стручков при помощи наложения своей теории за- и у-держания объекта в динамической обстановке, иллюстрируя ее яркими примерами из своей боевой практики и дешевых комиксов из универмага напротив.

Ну, стручки – они стручки и есть. Зеленые. Глаза квадратные, уши вразлет, смотрят на Дика влюбленно. Еще бы – боевой сержант Службы, гордость подразделения, нашивки «За особое отличие» – красавец, да и только.

Сижу я так себе спокойно, попиваю пиво, слушаю вполуха Дика, как вдруг ветер доносит до моих ушей;

– Хуже всею, я вам скажу, это сержант Невезуха. Этот старый козел как пойдет в поиск, так двоих и потеряет...

Старый козел – это, между прочим, я. Пеленгую источник – вона другой оратор, сам ушастый, а таких же просвещает. Ну, да ладно. Сейчас выясним, кто козел. Прошу разносчика, чтобы не в службу, а в дружбу построил этих орлов в коридоре в одну шеренгу, и продолжаю наблюдение. Парень подходит к ним и объясняет все честь по чести, указывая при этом на меня. Смотрю – заметили, притихли, побледнели даже и потянулись к выходу.

Выруливаю в коридор. Все как надо. Стоят. В шеренгу. Пригорюнились что-то мои орлы, однако начальство глазами едят. Школа все-таки. Осматриваю форму – без замечаний. Опять-таки школа видна.

Ну что ж. постоим. Стою, стеклом помахиваю, Я в детстве видел, как китаец в цирке тросточкой жонглировал, так это профанация. Если бы он сделал то, что у нас любой сержант умеет, ему бы Нобелевскую премию дали.

Ну как, ребята, стоим? Что уши повесили? Нет, не могу я на эти морды смотреть, так и хочется стеклам по ушам. У нас сержант Дымба ставил пятерых стручков в затылок и переднего легонько в лоб, так не поверите – все пятеро валились как доминяшки. Но я этого не люблю. Негуманно это.

Смотрю, мои орлы совсем готовы. Еще чуть-чуть, и прачечной придется стирать на четыре комплекта белья больше. Ладно, закончим. Я не враг симпатичным прачкам, даже совсем наоборот.

Иду обратно в бар, оставляю зеленых думать над своей судьбой. Интересно, сообразят они, что можно разойтись, или так и будут торчать, дорогу загораживать?

МЫ стоим вдоль стены бункера. Интервал – пять шагов. Напротив стручки. Стоят, конечно, ничего, но по сути – стадо. Сколько еще с них надо стружки снять, чтобы люди получились!

А на парней приятно глянуть. Линия – пяточки, носочки, и, главное, все это как бы между прочим, само собой. Послужите с наше, и у вас само собой будет, если вы не лопух.

Посредине Рэм. Рэм – это вам не хвост собачий, Рэм – это Рэм. Удав. Мы в юности на него молились. Эта осанка уже сама по себе внушает уважение ко всей Службе. Стручки глотают слова Рэма, как фрукты из компота.

– После проведенных операций полностью блокированы последние очаги сопротивления на территории Кей-блока. В квадратах А-407, А-512 установлены заслоны...

Знаем мы эти заслоны. Три стручка да два «сморчка». И если учесть, что «сморчки» были приняты на вооружение, когда Рэм сам еще был стручком, то они там много назаслоняют.

Начинается развод. Интересно, какого охломона сунут мне в пару?

– Сержант Дик!

Дик два шага вперед. Как он шагает – загляденье. Так шагать может только сержант Службы.

– Претендент Крист!

– Я!

Становится слева от Дика. Ничего себе шкаф – Дик ему как раз по плечо. Bravo, Рэм. Дику всегда с наперником везет. На такого можно миномет грузить и самому сверху садиться.

– Сержант Невезуха!

– Я!

– Претендент Лацин!

Из задних рядов выбирается что-то невнятное. Ба! Да это один из моих крестников. Где же это ты так помялся? Ну, становись, становись рядом, будем воевать вместе. Глаза испуганные и извиняющиеся. Хорош! И как тебя такого капрал на построение допустил? А уши! Вроде аж прозрачные на свет. Точно по ушам заработает, не сдержусь.

Идем в оружейную. Девочки выдают комбинезоны. Новые какие-то. Мотня до колен. Дик меряет штаны и усердно вгоняет девочек в краску.

Мой стручок раздевается и оказывается здоровенным парнем. Ничего себе! Никогда бы не подумал, что с такими ушами могут быть такие дельтовидные. Этот шкаф полще Дикового будет. Ладно, парень, за твои плечи можно и уши простить.

Пытаюсь поудобней приладить кобуру. Где у них эта петелька? Забыли, что ли, костюмодекораторы? Ага, вот она. А ничего, даже удобно. Осматриваю своего стручка. Да, все-таки он какой-то уж очень помятый. Странно, с такой фигурой и форма не идет. Как это так? А уши? Кошмар какой-то!

– И где это ты себе такого красавца раздобыл?

Это Эдди, оружейник, выдает баул со шпулями. Ладно, Эдди, этот красавец тебя вместе с твоей будкой перевернет и не заметит.

– Бери баул.

Он его на плечо взвалил как игрушку, а там, между прочим, тридцать шпуль и боезапас. Ну что ж, хорошо хоть с этим проблем не будет.

ПОГОДА мерзкая – ни дождь, ни солнце, пыльно. Видимость – до первого выстрела, дальше за этой пылью ничего не поймешь. Лучше уж дождь. Топчем центральную улицу. Бары, магазины, кино – «Ночь Лауры», – хороший, говорят, фильм, натуральный очень. Дик сказал, что еле свою подругу до соседнего подъезда довел, а то чуть было в зале грех не вышел.

Лимонник на углу козыряет аж за десять шагов. Стручку приятно уважение местной власти, ишь, какая морда сразу – хозяин жизни. Все правильно, парень. Службу

надо уважать. «Служба пользуется всенародной любовью и поддержкой» – так ведь в Уставе сказано?

Вон как девочки смотрят из подъезда – с любовью и уважением. Хорошие девочки, крепенькие и кругленькие, но их тоже пока побоку, вот вечером – другое дело.

Ну и походка у этого Лацина, или как там его! Он что, и строевым так ходит? Интересно, как на это смотрит их капрал?

Пошли тихие улицы, люди к домам жмутся, значит, до зоны рукой подать. Но отсюда еще не эвакуировались, видно, обстановка более-менее. Хотя кое-где дома треснутые. И пылица! А в квадрате, небось, еще хуже будет. Пали себе в белый свет из всех видов оружия.

Кстати, как там наш боезапас? Этот Лацин его еще не потерял? Какой-то задумчивый. Идет – спотыкается.

– Претендент, доложите изменение оперативной обстановки.

Голос у стручка вялый, слова как пожеванные выходят.

– ...Улица опустела, ничего подозрительного не заметно...

Молодец! Ничего подозрительного, всего лишь улица опустела. А с чего же это она опустела, господин наблюдатель? Вон, смотри, и дома пустые. Значит, топаем мы по санитарному буферу.

Так, теперь в переулочек. Где-то здесь должен быть этот знаменитый заслон. Вон за тем борделем. Какой там у нас пароль? Еще шарахнут с перепугу...

Что-то не шарахают. На улице пусто – гуляй не хочю.

– Претендент, боевая задача – найти заслон и узнать, что это они так бодро заслоняют.

Позасыпали они, что ли? Хоть бы связь оставили. Учат их, учат... И вроде бы боя не было, хотя, конечно, постреляли. Набалдашник от «сморчка» валяется, гильзы, и больше ни одного представителя законной власти. Правильно. Зачем на посту стоять, еще убьют ненароком. Лучше с девками, по кабакам...

Ага, бежит мой стручок. Хорошо бежит, очнулся, видать.

– Заслона не обнаружено.

Да, вляпались мы. Здорово навоюем без прикрытия и связи. Ну, да ладно, задачу никто не отменял. Курс норд-ост, 27°. Бывший центр города.

Шаги так гулко отдаются – гуп-гуп, земля дрожит. Сбегайтесь, крабы и прочая нечисть, стреляйте в нас, а мы на вас отряд подавления вызовем... Ага, вызовешь их тут. Связи-то нет.

ТИХО. Идем не спеша, прочесываем. Комбинезоны хорошо раскрашены – и маскировка, вроде, а кто хочет – заметит. Я бы и сам по такому стрельнул, не выдержал.

Вон кто-то на четвертом этаже тоже не выдержал. Падаю лицом в лужу, вроде чистую. Стручок валится как сноп, и очень вовремя. Очередь из «доджера» влетает прямо в окна подвала напротив.

И какой это идиот придумал шпульник на левой штанине делать?

Перевернувшись на спину, с одной руки бью по окнам. Приклад под мышкой, локоть уперт в живот – фирма. А вот Дик так не может, руки коротковаты.

Левой рукой пускаю шпулю... Кажется, можно вставать. Комбинезон не намок даже. Додумались, наконец-то. Лацин этот, или как его там, за бордюром лежит. Только вставать уже нужно. Это отшельник, наверное, был, вечная ему память.

Беру у стручка новую шпулю. Шпульник какой-то дурацкий, да еще и кнопка сверху. Ладно, парень, перекур. С почином нас.

Уже часа три бродим по улицам. Происшествий никаких. Крепко, видать, их тут припугнули. Идем, как на загородной прогулке. Птичек только нет. Зато кошки есть. Целые стаи, странно даже, обычно кошки стаями не ходят. Ободранные, грязные, хвосты столбом. Выскочили из подъезда у самых моих ног, я чуть огонь не открыл – нервы уже сдают от тишины. А стручок даже не шелохнулся. Видел, наверное, их. И не предупредил. Хотя, представляю, что я бы ему сказал в ответ на такое предупреждение.

Нет, все равно боевой солдат нашел бы выход. Помню, я сержанта Фрэнка прикрыл, снайпера снял, так он потом делал вид, что и снайпера никакого не было, и не я его во все, а он меня, ушастого, спас. Субординация,

Этому Лацину тоже с рук не сошло. Дал понять взглядом всю серьезность его ошибки, Пусть теперь думает, что я с ним в наказание сотворю.

Идем по центральной площади. Памятнику голову оторвало. Очень аккуратно оторвало, как ножом. Получается, всадник без головы. У коня тоже ноги нет, арматура одна торчит.

Стручок мой с интересом все рассматривает, наверное,

из провинции, но перехватил мой взгляд – осекся. Мы не на экскурсию пришли.

Теперь найдем улицу поуже. Там нас как раз ждут. Вон какой переулок симпатичный, самое место для засады. Дома близко друг от друга, между окнами даже веревки для белья остались. Идем по бордюру – так меньше шансов нарваться на сюрприз. Видно нас как на ладони. Что же это никто не стреляет?

Асфальт облит чем-то скользким, поэтому ноги приходится ставить на всю ступню. Прямо как слон. Ну и подвижность получается такая же – можно расстреливать из всех видов оружия. Даже бронезилет не спасет.

Наконец-то нормальный асфальт. Можно идти спокойнее. Улица расширяется, но начинаются какие-то завалы, откуда? Дома, вроде, целые. Терпеть не могу ходить по камням.

Так, если я не вру, впереди метрах в трехстах торчит ствол? Смещаюсь вправо по диагонали. Стручок идет как ни в чём не бывало. Кошек-то он замечает... Наконец усек мой манёвр и сдвинулся влево, хотя не совсем понимает, в чем дело. Ага, увидел, А еще два ствола справа? А «сморчок» стационарный на крыше башенки? Интересно, где они его взяли? Кажется, вляпались мы с тобой, парень, крепко. Крабы. Регулярные. Ждут нас, а мы идем прямо к ним в лапы, Кто первый начнет стрелять?

–Претендент! – говорю, не поворачивая головы. – Вяжемся всерьез – сразу на сборный, бегом, без команды. И руки с кобуры убери, олух.

Стручок, видно, проникся, вздрогнул и медленно заложил руки за спину. Крабы молчат. А мы шажку прибавим.

ЗАШЕВЕЛИЛИСЬ. Сейчас начнут стрелять, а до мертвой зоны еще метров двадцать. Прыгаю плашмя в приглянувшуюся ямку. Крабы начинают стрелять как ненормальные. Прозевали!

Отвечаю короткой очередью и перекатываюсь к центру. С разгону промахал метров десять. Стручок воюет где-то рядом. Пускаю шпулю наугад и сдвигаюсь к нему. Вот он, палит в белый свет, только гильзы в стороны. Баул лежит рядом. Выкладываю претенденту пяток шпуль, остальные с собой – мне нужнее.

Скорее бы мертвая зона, тогда можно и в подъезд нырнуть.

Что-то «доджер» слева слишком долго стреляет. Шпулю ему. Те, что справа, грамотней себя ведут. Главное, стрелять коротко и двигаться быстро. Как говорится в наставлении, движение – это жизнь.

Заработал «сморчок». Сзади все дыбом. Рву вперед, как спринтер, и получаю осколком под лопатку. Синяк будет порядочный. Теперь полежим. Хорошо хоть по голове не угадали.

Стручок, наверное, уже в пути. Посчитаем: до пункта минут сорок, да оттуда минут пятнадцать на машинах – итого, час. Чем это я крабов столько времени развлекать буду? И подъезда никакого нет рядом, и окон. Вот и лежи посреди улицы. Только что за фланги спокойнее. А вот с тыла могут обойти, даже точно, обойдут. А мне деваться некуда. Надо что-то думать.

Меняю позицию. «Умело применяя маневр...» Патроны нужно побережь. «Ведя огонь прицельный и уничтожающий...» Хорошая штука – инструкция.

«Сморчок» уже совсем молчит. Не боятся, что удеру, видно, кого-то с тыла запустили. Но там пока тихо, поживем еще.

Отвечаю шпулей на короткую очередь из окна башни. Кажется, попал. Будете помнить сержанта Невезуху.

Сзади начали стрелять. Не видно ничего – пыль столбом. Прошло всего пятнадцать минут. Продержусь еще максимум столько же. Плохо. Было бы хуже, да некуда. Где-то рядом целая канонада. Интересно, в кого это они? Сдвигаюсь вплотную к стене, все-таки лучше, когда тыл прикрыт.

Слева мелькает кто-то пятнистый. Беру его не мушку. А ну-ка, выгляни! Тьфу ты, это же наш комбинезон. Так, интересная картинка получается, Я думал, что стручок мой около сборного уже, а он тут целую линию фронта организовал. Вдвоем мы, конечно, дольше продержимся, но кто отряд подавления вызовет?

Что же это он? Забыл, что ли, как в Боевых рекомендациях: «При отсутствии средств связи...» и т. д. Все предусмотрено. Только вот нету там ничего на случай, если претендент вместо «осуществления связи пешим порядком» будет прикрывать мой тыл. Эх ты, воин!

«Боевая задача ставится командиром и выполняется четко и беспрекословно. Никакие причины, даже личная смерть исполнителя, не освобождают от выполнения Боевой задачи». Бот так-то.

ПРИКРЫВАЮ огнем маневр стручка. После появления этих шпуль стало непонятно, кто больше рискует, – тот, кто прикрывает, или тот, кто маневрирует. А вернее, что обоим весело.

На той стороне улицы замечаю пролом в стене. Ну, что ж, ждать нам нечего. Будем уносить ноги, пока есть что уносить.

– Претендент! Перебежками к дырке, вон, видишь!

Благополучно добираюсь к пролому и из-за камней выпускаю треть обоймы. По-моему, у них просто нет шпуль, вот мы так резво и скачем. Мимо меня, как бизон, проносится стручок. Чуть остатки стены не завалил. Форы у нас секунд пятьдесят.

Бежим по темному подвалу наощупь, оба мокрые от пота. На бег в темноте почему-то уходит гораздо больше сил. Ребята трепались, что приборчик такой изобрели, вроде очков: надел – и все видно, как днем. Хорошо бы его сюда, а то вон стручок в какой-то столб с размаху врезался. Живой хоть? Иду на дыхание и упираюсь в тот же столб. Да но столб это никакой, а лестница, Винтовая, старинная, теперь таких не делают. Похожа на кассетный датчик патронов...

– Сюда, за мной!

Бегу по лестнице и через два витка тыкаюсь головой в крышку люка. Стручка надо было вперед послать, он бы с размаху вышиб – и не заметил.

Упираюсь плечом, и люк неожиданно легко отъезжает вверх. Выскакиваю на поверхность. Черт, окна во всю стену. Комната какая-то странная – паркет, люстра побитая, зеркала и дверей нет. Приятная неожиданность.

Глаза, вроде, уже привыкли к свету. А стручок мой стал возле крышки и на какую-то картину на потолке уставился. Было бы на что. Мужик, в шляпе. Пихаю этого любителя картин под ребра, чтобы в себя пришел и за лестницей смотрел.

Так, выясним теперь, чем заняты крабы, если только они сейчас из люка не полезут. Стекол в окнах, конечно, нет. Крабы на другой стороне, суетсяя вокруг какой-то штуковины. Похоже, «сморчок» собрались ставить. Значит, ждут, что мы где-то здесь. Назад дорога отрезана. Везет мне, как обычно

Справа, метрах в двадцати, должен быть подъезд. Попробуем выскочить и нырнуть туда. Другого варианта нет. Крабы очень увлечены, авось, проскочим.

Командую стручку: «Делай как я!» – и сигаю в окно.

До подъезда все 30 метров. Сзади сопение стручка. Интересно бы время засечь. Сейчас в подъезд, а оттуда можно по крышам.

Проскочили. Значит, умеем мы еще, парень, бегать, умеем.

ПРИХОЖУ в себя в каком-то завале. Единственное, что помню, – это верхний марш лестницы, как отрезанный, отваливается от стены, и что крикнул; «Вверх!», – и больше ничего. Видимо, этой штукой меня зацепило основательно. Руки-ноги целы, а грудь – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Сволочь! Ребра поломало. Рядом сопение стручка. Осторожно поворачиваю голову – ощущение такое, будто по мне едет трактор с прицепом. Стручок рядом, вроде целый. Значит, он успел выскочить.

– Господин сержант, вы живы?

– Нет, умер, – что за идиотская манера спрашивать, лучше бы сказал, чем это меня так. – Как там?

– Тихо. Они думают, что нас убило. Там «волчком»

троих своих зацепили – вон внизу лежат. Приходили смотреть, раненого доби́ли.

Ах, значит, это «волчок» был. Ну, парень, мы с тобой в рубашке родились. Дай Бог, нам выбраться отсюда – пойдём, свечку поставим. А грудная клетка вроде бы вся на мелкие кусочки. На самом деле, от силы два-три ребра сломано – самая идиотская вещь. Через месяц здоров, как бык, а сейчас впечатление такое, что уже умер или вот-вот умрешь.

– Давай-ка, парень, помоги мне лечь повыше, осмотреться надо.

Мы лежим где-то на третьем-четвертом этаже за остатком стены. Дома – как не бывало. Внизу куча мусора, камни вперемешку с арматурой и тремя крабами. Крабы, сволочи, добивают своих раненых. Конечно, нам меньше работы, но все равно не могу привыкнуть, в голове не укладывается.

А если подумать, то все не так уж сумрачно. «Волчок», конечно, засекли. Теперь пока сообщат в муниципалитет, пока свяжутся со Службой насчет охраны, пока доедут – хороший час пройдет. А час мы здесь отлежимся, тем более, что крабы ушли, тоже понимают, чем дело пахнет. Не дрейфь, сержант, только дыши осторожнее, чтоб легкие о ребра не порвать.

– Так, претендент, в течение часа лежим здесь. Дальше – по обстановке. Ясно?

– Ясно.

Ничего тебе не ясно, парень, по глазам вижу. И мне ничего не ясно. Да и что тут может быть ясно, когда лежим мы с тобой и ждем, кто раньше приедет, – комиссия

или крабы какие-нибудь залетные. И леший его знает, до чего долежимся...

Забутье накатывает откуда-то снизу, стучит в ушах теплыми волнами, и когда открываю глаза, то не сразу соображаю, сколько времени прошло. Стручок лежит в той же позе, значит, недолго я пропадал.

Мне виден профиль парня: глаза, вроде, изучают местность, но на самом деле он сейчас слона не заметит: зрачки в дымке и губы что-то нашептывают. А губы у него пухлые, детские губы. Эх, парень, не скоро ты человеком станешь. Но будет же это когда-то: и губы в ниточку, и подбородок немного вперед, и глаза цепкие. Все будет. Таким сержантом станешь – крабы за квартал разбегаться будут.

– Претендент! – Оборачивается, глазами хлопает, оторвал я его от ценных мыслей. – Доложите обстановку.

– В поле зрения изменений нет. Только краб там один, вроде, шевельнулся. Живой, что ли?

Ничего себе! Значит, изменений нет, а краб ожил. Без изменений ожил. Все правильно. А живой краб, что это? Это значит, что если крабы близко, он их на нас наведет. А если комиссия приедет, то он их обстреляет. Тоже хорошо. А они со страха остатки дома гипроном зальют, и опять-таки нам крышка. Молодец, парень.

– Претендент, запомните раз и навсегда – ожившие мертвецы, а также ведьмы, лешие и тролли являются изменением обстановки. И прошу впредь о них докладывать по форме.

– Есть докладывать по форме! – И смотрит выжидательно, что я еще скажу. А я скажу, за мной не залежится.

– Так, боевая задача – незаметно продвинуться к крабу и уничтожить его. Исполняйте.

– Есть! – Он встает и вразвалочку топает к стене. Во, дубина, его же сейчас убьют. А крикнуть не могу – чувствую, что сознание потеряю. И вообще, вы пробовали когда-нибудь кричать с поломанными ребрами?

СТРУЧОК благополучно добирается до стены и появляется в моем поле зрения внизу минуты через две. Он уже не идет, а ползет – слава Богу, сообразил. Двигается к среднему крабу, прикрываясь обломком какой-то плиты. Сверху это выглядит, как учебный фильм по тактике, вроде не всерьез. Вот он сгруппировался для последнего броска. А броска-то как раз и не получилось – стручок неожиданно встал, спокойно подошел к крабу, нагнулся. Непонятно.

Вот он автомат краба бросил в сторону – интересно, зачем? – и назад пошел.

Появляется из-за стены первым делом берет, потом уши (ох, уж эти уши), а потом плечи и все остальное.

– Господин сержант, краб оказался без сознания, я его разоружил, он не опасен.

У меня от возмущения в глазах темнеет. Краб не опасен! Как вам это нравится? Сколько они пацанов таких, как ты, замордовали?

Я пытаюсь набрать в легкие воздуха, чтобы высказать этому идиоту, цуцику паршивому, кто он такой, но ребра не дают излиться справедливому гневу. В глазах темнеет, и только спустя минуту, я могу тихо сказать:

– Претендент, исполняйте приказание и усвойте, что безопасен только *мертвый* враг.

Стручок смотрит на меня непонимающе. Я опять делаю строгий голос:

– Выполняйте!

– Есть.

С тем же недоуменным лицом он поворачивается и медленно идет к стене. Вроде и не слышит ничего, как лунатик. Что это с ним? Подбираюсь ближе к краю. Где он там ходит? Ага, вот. Плетется, вроде и не претендент он, а овца. Когда мы с крабами в догонялки бегали, он повеселее был. Так, а где краб?

Краб лежит в двух шагах от того места, где был раньше, и держит в руках автомат. Хочу закричать, но крик мой сливается с очередью. Парень вздрогнул и осел. Кобура расстегнулась удивительно легко, боль куда-то пропала, и я разряжаю вниз обойму. Патроны уже давно кончились, а я, как сумасшедший, все жму на гашетки. Потом соображаю, что все уже кончено, разжимаю руки и теряю сознание...

Сколько времени я был без сознания, не знаю. Из расчетного часа осталось двадцать минут. Грудь болит зверски. Аккуратно поворачиваю голову и смотрю на улицу. Краба я измолотил в капусту, не поймешь, где и что, одно месиво кровавое.

Стручок лежит на плите перекрытия лицом вниз, руки разметаны. Комбинезон чистый, без единого пятнышка.

Эх ты, парень! А ведь неплохой солдат мог бы из тебя получиться, если бы не странности твои. Если бы делал, что тебе умные люди говорят...

Что за жизнь у меня! Как на задание иду – напарника теряю. Наказание прямо. А сам всегда живой. И сейчас

более-менее... Ну, что ж, видимо, не отлита еще пуля для сержанта Невезухи.

ПОИСК

'89

СКОРО на прилавках магазинов появится очередной, десятый, сборник «Поиск-89», подготовленный Средне-Уральским книжным издательством. Внешне книга отличается от своих собратьев более современным, привлекательным оформлением. Утонченная графика свердловского художника С. А. Копылова исподволь вводит читателей в мир фантастических образов, остросюжетных приключений.

Загадка хранящегося в тагильском музее двухколесного «самоката» вот уже много десятилетий не дает покоя историкам и краеведам. Слишком отрывочны и противоречивы сведения об изобретателе первого русского велосипеда. Лишь в последние годы архивный поиск кое-что прояснил в судьбе уральского умельца. Эти новые материалы и легли в основу исторической повести Владимира Блинова «Артамонов след», открывающей сборник «Поиск-89».

В разделе «Фантастика» центральное место занимают две повести – «Дождь» Владислава Романова и «Язычники» Сергея Другаля. Первая – поэтическое сказание о любви, написанное в жанре современной «гофманианы», где причудливо переплетаются фантастика и самая будничная реальность. Вторая повесть сюжетно примыкает к циклу произведений С. Другаля об Институте Реставрации Природы. Это не только гневная антиутопия, созвучная нарастающим тревогам сегодняшнего мира. Автор использует порой и приемы динамичного научно-фантастического боевика. Что ж, и фантастике они не противопоказаны.

В сборнике «Поиск-89» публикуется продолжение библиографического обзора «Довоенная советская фантастика» (составители В. Бугров и И. Халымбаджа). Начало его было опубликовано в «Поиске-86».

Сегодня в рекламной страничке мы предлагаем небольшой отрывок из повести Владислава Романова «Дождь». О том, что произошло с героями дальше, вы узнаете, приобретя сборник «Поиск-89»,

Владислав РОМАНОВ

ДОЖДЬ

ВТО лето жара в Копьевске выдалась нестерпимая. Старожилы уверяли, что сто три года такой жары не наблюдалось. Красный столбик градусника точно приклеился к отметке 33 и, хоть лопни, не спускался вниз. Уже в конце мая в лесах начались пожары, и дым навалился на город. Выезд в лесную зону запретили, и все по воскресеньям стали ходить в картинную галерею, расположенную в старом соборе; толстые стены еще хранили прохладу и не пропускали дым.

В связи с пожарами пришлось ввести ограничения и службе водопровода. Жителям разъясняли, конечно, временность и необходимость таких мер, призывая блюсти строжайшую экономию воды. Повсеместно создали Комитеты Водного Режима, сокращенно КВР, куда входили лучшие люди подъездов. «Доживем до дождей!» (ДДД) – этот призыв кэвзэровцев вселял в копьевцев бодрость и оптимизм.

В эти нелегкие дни главбух Кировского райпищеккомбината Петр Иванович Неверующий торопился закончить методическую записку о перспективном и текущем планировании, которую он составлял для бухгалтерских курсов. Жена с дочкой спали в соседней комнате, а стрелки старинных бабушкиных часов подходили к двенадцати. Сидя за столом в майке и трусах, Петр Иванович еле успевал вытирать пот, меняя за вечер уже третий платок. Это еще хорошо, что окно выходит в садик, яблонька распустилась, и тянет прохладцей, а у Льва Игнатьевича Шилова на пятом этаже, небось, одуреть можно от духоты.

Часы пробили двенадцать. Неверующий решил уже поставить точку, как вдруг что-то зашумело в яблонях и очень знакомое почудилось в этом шуме. Петр Иванович сдвинул на нос очки и, всмотревшись, с удивлением обнаружил серебристое мелькание у фонаря. Поначалу он подумал, что это серебрится мошकारа, но тут пахнуло, да таким удивительно знакомым, что Петр Иванович вскочил из-за стола. Пахло свежеприбитой пылью. Да-да, той самой свежеприбитой пылью, когда идет дождь. И, взглядевшись, Неверующий обнаружил у фонаря не мошкару, а самые натуральные капельки! Он даже перевесился через подоконник – на глаз, в нос, в рот залетели настоящие дождевики!

Петр Иванович хотел было разбудить жену и дочь, но тут вдруг ему в голову пришло: а не разбазаривает ли кто-нибудь с верхних этажей таким хулиганским образом воду?! Он уже хотел было снова перевеситься через подоконник, взглянуть вверх, но, посмотрев на фонарь, обомлел: во всю ширину переулка шел дождь. Теперь это

уже было видно и слепому! Дождь, дождь шумел в листве, бежал в водосточных трубах, и пузыри вскипали на лужах. Причем все совершалось как-то тихо и обыкновенно – ничто не хлопало окнами, форточками, точно все спали и ничего не слышали. Откуда-то издали донеслась странная мелодия, и Петр Иванович вспомнил, как он сам мальчишкой выделывал такие рулады на травинке. Травинка нужна тонкая, широкая, и стоит ее поднести к губам, как она задрожит, завибрирует и зазвучит нежная мелодия. Петр Иванович был мастак выдувать всякие песни, но мелодия, которую он услышал сейчас, поразила его своей необычностью: точно все вокруг вплеталось в нее – и тиканье часов, и шорохи, и скрипы, и свет фонарей. И так вдруг что-то защемило в сердце, что Неверующий готов был, кажется, выскочить из окна.

– Куда все ушло-то? – вдруг выпалил он и удивился своему вопросу. С чего это он такое спросил?

– Куда, куда?! – сердито проворчала жена в соседней комнате.

Неверующий заглянул туда, увидел Катерину Ивановну, спящую, разметавшуюся на тахте от жары, и покачал головой. Быть врачом-стоматологом – дело нелегкое... Дочь же спала тихо под простыней, и, взглянув на нее, Петр Иванович улыбнулся: чистое, нежное, точно освещенное изнутри, лицо казалось таким прекрасным, что Неверующий даже засомневался: а его ли Ленка спит на соседней полуторке? Но после некоторых размышлений он все же согласился со своим отцовством, хотя легкая ревнивая тучка залетела в сердце. Было, было что-то у жены с тем настройщиком. Ох, было...

Минуту поколебавшись, Неверующий выскочил на улицу. Дождь к тому времени уже не шел, мелодия исчезла, а вместо нее на третьем этаже стрекотала Дуськина швейная машинка. Дуська обшивала пол-Копьевска, все про это знали, хотя Неверующий из принципа у нее ничего не шил. Баратынский, Дуськин супруг, игравший в народном театре ДК им. Горького, учил, видать, очередную роль, и обоим было наплевать на то, что делается за окном.

Мокрый асфальт блестел, как надраенный. В воздухе пахло морем и прибитой пылью, а маленькие лужицы горели, как осколки огромного, разбитого на множество частей зеркала.

«Чудеса!» – радостно хмыкнул Петр Иванович, оглянувшись на дом, желая найти хоть одного свидетеля этого казуса природы – никакой тучки над головой и в помине не было, – но все, за исключением Баратынского, спали или не желали из окон высовываться.

Даже если представить себе, что какой-то шутник набрал в лейку воды и решил полить переулок, то все равно он бы не захватил его во всю ширину, а тем более в длину, размышлял Петр Иванович, блаженно втягивая носом прямо-таки натуральный морской запах, – значит, это возможно при условии, что разом из всех окон станут поливать переулок из леек, что вообразить нельзя, ибо все спят, а потом на пятом этаже живет отставной майор Лев Игнатьевич Шилов, председатель КВРа двух пятиэтажек, и его бдительности жильцы откровенно побаиваются...

Мысли Неверующего неожиданно прервал Баратынский, выскочивший в театральной шляпе, плаще и с собачонкой.

– Привет! – обрадовался Петр Иванович. – Видал? – Он показал на лужицы.

Баратынский взглянул на небо и, лихо запахнув плащ, прошипел, выпучив глаза:

– Дождемся ночи здесь. Ах, наконец, достигли мы ворот Мадрида! Скоро я полечу по улицам знакомым, усы плащом закрыв, а брови шляпой. Как думаешь? Узнать меня нельзя?..

– Кто же тебя не знает? – не поняв ничего, хмыкнул Неверующий.

Баратынский огорченно покачал головой.

– Вид ваш, Петр Иванович, не соответствует вашему авторитету на производстве, – высокомерно заметил он, взглянув сверху вниз на низенького Неверующего. – Чао!

И Баратынский, напевая что-то челентановское, гордо удалился, а Петр Иванович неожиданно для себя обнаружил, что он .. в трусах! Насмерть перепугавшись, а больше устыдившись такого своего положения (боже, главный бухгалтер!), он как ошпаренный заскочил в квартиру и долго не мог перевести дух в передней. «Это ведь что могут подумать! – ужаснулся он. – Что я...» От последней мысли его бросило в жар. Да еще Дуська! Неверующий знал, что она по ночам плещется в ванне. Набирает днем до отвала воды (ночью водопровод отключают) и часа в три ночи плещется в свое удовольствие. Неверующий сам слышал, но, будучи человеком тихим и не ябедой, Льву Игнатьевичу о сем не сообщал. Однако если Дуська посмеет разносить теперь сплетни про него, то Петр Иванович не преминет рассказать и о ее привычках.

ПОВЗДЫХАВ, Петр Иванович вернулся к себе в комнату и, не успев затворить дверь, застыл как вкопанный. Горло пересохло, и звук – а он хотел уже завопить благим матом – пропал. За его столом, внимательно изучая методичку, сидел высокий незнакомец с шапкой темных кудрей, рассыпанных по плечам. На нем была белая блузка с широким отложным воротником и черные бархатные штаны, подвязанные на коленках бантами, а далее белые носки и старинные, с острыми загибающимися носками, башмаки. Весь этот театральный костюм живо напомнил Неверующему Баратынского. Незнакомец уже стоял перед ним, и его узкое белое лицо с огромными горящими глазами и большим ртом говорило о смущении и робости.

Но не это сковало страхом Петра Ивановича. Не само появление среди ночи, не странный костюм, не горящие глаза. Незнакомец светился. Да-да, светился, точно вместо тела был причудливой формы длинный фонарь, на который надели рубашку и штаны. И что самое удивительное – часть туловища, от лица и до пояса, где начинались штаны, просвечивала... Сквозь грудь и живот просматривалась часть стены и угол подоконника, словно незнакомец был наполовину из стекла.

– Я прошу извинить меня за столь поздний визит, – зашептал гость, и голос его тотчас обезоружил и покориł Петра Ивановича своей неизъяснимой прелестью, будто листва зашептала или ветерок в душный час обласкал лицо.– Приличнее всего следовало бы явиться завтра, моя душа уже начнет затягиваться кожей, а сейчас она горит, точно светлый фонарь, вы угадали, мессир, но вам ли не

— Я ДОЖДЬ, — НЕЗНАКОМЕЦ УЛЫБНУЛСЯ И, ПОВЕРНУВ-
ШИСЬ, ЛЕГКО ОТТОЛКНУЛСЯ ОТ ПОЛА И ВЫПОРХНУЛ, КАК
ПТИЦА, В ОКНО. ОН ПЛАВНО ВЗЛЕТЕЛ, НАБИРАЯ ВЫСОТУ...

знать это нетерпение молодости, когда «как в чей-то глаз, прервав игривый лёт, на блеск взлетает бабочка шальная и падает уже полуживая, а человек сердито веки трёт – как взор прекрасный в плен меня берёт. И в нём такая нежность роковая, что, разум и рассудок забывая, их слушаться любовь перестаёт...» – незнакомец заулыбался. – Да, что делать, коли сам сражен, как тот двадцатидвухлетний монах, поэтому не судите строго, все мы теряем рассудок, даже вы, выскочив в таком виде на улицу, забыли о приличиях. Что делать, они нас всегда сковывали... Впрочем, я, наверное, и вправду некстати, речь проливалась, и я счастлив, я заговорил, могу объясниться, а это уже чудо, это уже подтверждение того, что я нашел ее!.. Простите великодушно...

– Кто вы?.. – прохрипел Петр Иванович.

– Я Дождь, – незнакомец улыбнулся и, повернувшись, легко оттолкнулся от пола и выпорхнул, как птица, в окно. Он плавно взлетал, набирая высоту, и вскоре лишь странная яркая звездочка горела на том месте, куда он улетел...

Петр Иванович, как стоял, так без звука рухнул на пол, сраженный сей чертечтовиной.

НАЧАЛАСЬ эта история так давно, что никто, пожалуй, точно и не может назвать ни год, ни число; подлинное имя Дождя встречается в двух хрониках, связанных с Лоренцо Великолепным, да один раз о его исчезновении упоминает Марсилио Фичино в письме к Джиовани Кавальканти: «Я думал, что я люблю его в такой степени, что не мог бы любить себя более; Андреа Веротти, один звук его имени лишает меня земной опоры, и я бежал туда, где

находился он. Видеть, наблюдать, слышать его голос становилось с каждым днем все потребнее, я мучился, если не видел его более часа, это превращалось в болезнь, точно сам демон небесной Венеры поджигал мою плоть. Блеск его божественного лица по ночам горел во тьме, его голос звал так настойчиво и призывно, что я верил: Андреа – ангел, спустившийся с неба, то недостижимое, что отделяет нас от Бога...»

Восхищение это, пожалуй, разделял и Кавальканти, и сам Лоренцо Великолепный, и его дед Козимо Медичи, который отыскал Андреа мальчиком у пастухов. Ни отца, ни матери у Андреа не было, младенца подбросили, и пастухи воспитывали его до семи лет, пока его не забрал Козимо на свою виллу в Кареджи. Почти два года они прожили вместе. В 1464 году Козимо скончался в возрасте пятидесяти пяти лет. Лоренцо шел в ту пору пятнадцатый год. Марсилио Фичино исполнился уже тридцать один, Андреа – только девять.

По завещанию, свою виллу в Кареджи Козимо передал Марсилио, особо оговорив и долю маленького Андреа Веротти. Так его воспитанием занялся Фичино, так они стали неразлучны...

Вскоре всех покорила голос Андреа, создававший свой неповторимый земной и в то же время неземной мир звуков. Изредка он подыгрывал себе на флейте, прерываясь, потрясая всех мощной силой звуков, исторгнутых из слабого, еще юношеского тела. Лоренцо не мог сдерживать слез, Марсилио впадал в экстаз, обожествляя своего воспитанника. Его музыкальная поэма дождя настолько поразила всех, что с тех пор Андреа иначе и не звали – как

Дождь, забыв его настоящее имя. Прошло еще три года, Дождю исполнилось двадцать лет, голос его набрал такую силу, что в доме при его вскрике вылетали стекла. Он пел в горах, и его слушала вся долина.

И вдруг он исчез. Полициано, Кавальканти, сам Лоренцо Медичи искали его семь дней и ночей, но так и не найдя, вернулись обратно. Фичино еще месяц не мог без слез вспоминать об исчезновении Андреа, но постепенно боль притупилась и удивительный голос стал забываться. Лишь изредка ветерок, залетев в дом, своим дыханием напоминал о юноше, да дождь снова рисовал его облик, и лицо постаревшего философа накрывала тень... Что это было? Действительно ли ангельское пришествие, имеющее целью доказать, сколь летуч и зыбок человек, или ж то, что только гений являет нам истинную красоту природы и окружающего мира? Кто знает теперь?..

Марсилио Фичино не в силах был разгадать эту загадку, а между тем история эта имела продолжение.

Новое лицо вступило в тот миг на подмостки.

Монна Мадалена была дочерью богатого венецианского негодянта Джованоццо ди Томазо Эспиньи. Он часто бывал в разъездах, особенно после смерти жены. За домом присматривал младший брат Джованоццо – Бартоломео. Человек он был желчный, тщеславный, как и все бездельники, к тому же пожар, случившийся однажды, обезобразил его лицо, покрыв его красными рубцами, которые время от времени гноились. Слуги старались не смотреть в лицо Бартоломео, который вдобавок еще чуть раскачивался при ходьбе, клоня голову вправо: в детства его нечаянно уронила кормилица и позвонки срослись неправильно.

Одна Мадалена не боялась уродства дяди, становилась необычайно ласкова при его появлении и с такой нежностью заглядывала ему в глаза, что угрюмый Бартоломео краснел, как роза, и тайный огонь любви сам собою вспыхнул в его душе, и никто не в силах был теперь его погасить. Все притягивало Бартоломео к племяннице: и голос, и красивое гибкое тело, скрытое в шуршащих складках платья, и глаза, нежные и ласковые... О, какие только сцены не возникали в воображении Бартоломео, ему казалось, что один лишь ее поцелуй в силах прогнать страшную болезнь, да и разве не говорят поэты и философы, что только любовь в состоянии исцелить проказу, разве не о том вещают сказания?! Но пока был жив старший брат Джованоццо, этой мечте на суждено было сбыться. Лишь однажды заикнулся об этом Бартоломео, но Джованоццо лишь недоуменно взглянул на брата, объявив через день, что по возвращении из Англии немедленно подыщет для Мадалены жениха и сыграет свадьбу.

Через неделю Джованоццо уезжал в Англию. Бартоломео призвал своего слугу Луку Сакетти и, не таясь, поведал обо всем. Выложил на стол четыреста золотых флоринов, двести – после того, как Джованоццо не вернется. Сакетти попросил еще четыреста. Бартоломео согласился. За двести Лука нанял матроса, некого Христофора, пообещав двести по возвращении. Все и случилось, как заказывал Бартоломео. Фрегат «Медуза» привез вместе с товарами мертвое тело Джованоццо.

Опекуном Мадалены и хозяином дома стал Бартоломео. Управляющим – кривой Лука Сакетти, умевший неслышно появляться в любом месте, знавший все, о чем го-

ворят в лавке, на кухне, в гостиной у хозяев. Теперь оставалось лишь завоевать любовь Мадалены и найти для отвода глаз мужа-дурачка, дабы не приводить в волнение церковь.

Но первое же объяснение Бартоломео в любви вызвало у Мадалены смех, попытка объясниться повторно встретила резкий отказ. С тех пор Мадалена стала избегать встреч с дядюшкой, один вид его приводил ее в раздражение, глухая ненависть поселилась в сердце. Ей пошел шестнадцатый год, и соседние почтенные семейства стали засылать сватов, но Бартоломео отказывал всем подряд.

Дождь встретил ее у моря. Мадалена всегда ездила с толстым Бальдонофри на песчаную косу, где никого не было и можно не думать ни о странной смерти отца, ни о притязаниях Бартоломео. Толстяк Бальдо любил Мадалену и, конечно же, был посвящен в те слухи, что ходили вокруг Луки и Бартоломео. Изредка появлялся и Христорфор, громко требуя денег у Сакетти, и все это слышали, уши же не залепишь воском... Ветерок убаюкивал Бальдо, и он засыпал.

В ОДИН из таких утренних снов и появился Дождь. Когда Бальдо проснулся, солнце уже припекало, по берегу шел долговязый парень. И Мадалена долго смотрела ему вслед. Но тогда Бальдо еще не придавал этому никакого значения и на вопрос Бартоломео, как обычно, пожал плечами: а что вообще может случиться?.. Но острый глаз Бартоломео тотчас заметил перемену. Мадалена сидела во внутреннем дворике у фонтана задумавшись. Книга лежала в стороне. Бартоломео

наблюдал за ней сверху, когда подошел Лука. Он сообщил, что она почти не притронулась к еде. Служанке Франческе девушка сказала, что плохо себя чувствует. Но когда себя плохо чувствуют, то ложатся в постель...

Что же произошло? Если б Мадалена сама могла рассказать, то вряд ли бы Бартоломео что-нибудь понял. Они встретились и долго смотрели друг на друга. И не могли оторвать взглядов...

(...) На следующий день они заговорили, и он обнаружил, сколь тонко она все подмечает и чувствует, как точно и красиво передает в слове, сколь нежно и волнительно ее прикосновение...

Весной не думают об осени. Сколько длится жизнь? Мгновение. А любовь обладает длиной вечности. Не каждый рождается с этим даром, не каждого любовь одаряет бессмертием.

Они стояли друг перед другом, а толстый Бальдо хмуро сидел поодаль, опасливо оглядываясь по сторонам. Кто знает, что на уме у Бартоломео?.. Поэтому, благодарно принимая за свое молчание два ежедневных флорина, Бальдо постоянно наставлял девушку, как вести себя дома, чтобы Бартоломео ничего не заподозрил. И Мадалена оказалась столь примерной ученицей, что тревожные сомнения, зародившиеся у Бартоломео, рассеялись после первого же урока Бальдо.

Улыбка Мадалены вернула Бартоломео к жизни, «Нет, не все еще потеряно! – сказал он себе. – Вода камень точит, а время – чувство. Она еще полюбит меня!..»

Игорь СЕВЕРЯНИН

Воздушная яхта

Я вскочила в Стокгольме на летучую яхту,
На крылатую яхту из березы карельской.
Капитан, мой любовник, встал с улыбкой на вахту,—
Закружился пропеллер белой ночью апрельской.

Опираясь на румпель, напевая из Грига,
Обещал он мне страны, где в цвету абрикосы,
Мы надменно следили эволюции брига,
Я раскрыла, как парус, бронзоватые косы.

Приставали к Венере, приставали к Сатурну,
Два часа пробродили по ледяной луне мы,
Там в саду урны с негой; принесли мне в сад урну,
На луне все любезны, потому что все немы.

Все миры облетели, все романсы пропели.
Рады были с визитом к самому Палладину...
А когда увидали, что поломан пропеллер,
Наша яхта спустилась на плавучую льдину...

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над вторым выпуском «ПиФа» работали:
И. Кузовлев, С. Казанцев, С. Гаврилова, Л. Будрина,
М. Пудовкин, Н. Мухин.
Ответственный за выпуск: С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов.

Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1989. 32 с.
Тираж 80000 экз. Цена 70 коп.

Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42.
Зак. № 1467. Подписано к печати 01.11.89. ИС 11060.

Средне-Уральское книжное издательство
и журнал «Уральский следопыт».
Типография изд-ва «Военный железнодорожник».